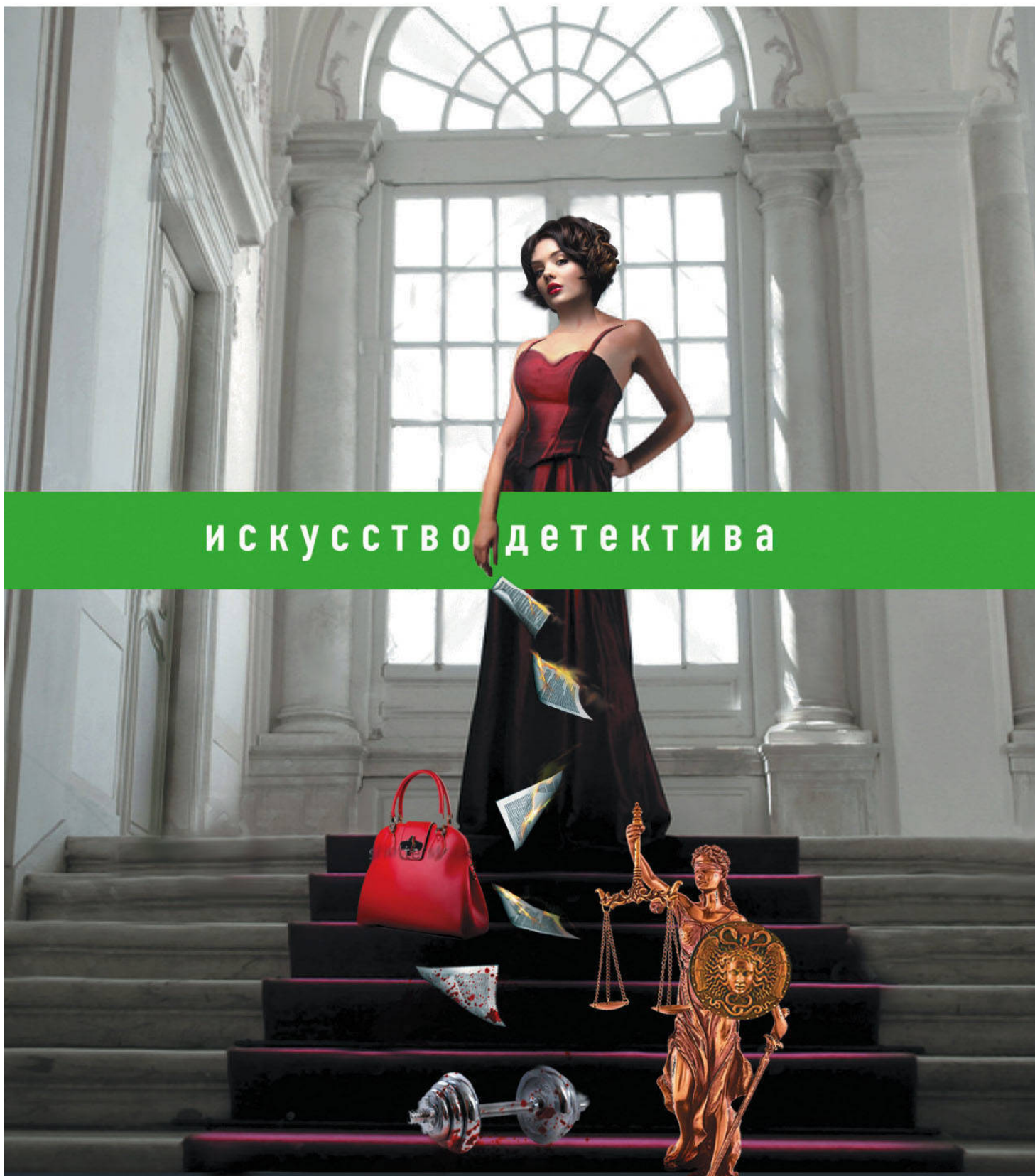

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ•РОФФЕ

ИСКУССТВО ДЕТЕКТИВА

Шантаж от Версаче

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Шантаж от Версаче

«ЭКСМО»

Гармаш-Роффе Т. В.

Шантаж от Версаче / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,
— (Частный детектив Алексей Кисанов)

Что делать, если ты хороша собой, но слишком застенчива? А тут еще на банкете познакомишься с частным детективом, французом Реми Деллье, и понимаешь, что он – твоя судьба. И тогда сестра Александра, модная журналистка, придумывает всю эту историю с убийством стареющего развратника и шантажиста, где ты – главный фигурант. И теперь пусть только попробует галантный француз отказать тебе, несчастной, в помощи. Но самое невероятное, что убийство действительно случилось и исчезло тело. А ты становишься главной подозреваемой. И чтобы вытащить тебя, Реми и русский сыщик Алексей Кисанов готовы пойти на все...

© Гармаш-Роффе Т. В.

© Эксмо

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	41
Глава 6	46
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна Гармаш-Роффе

Шантаж от версаче

Все лица и события в этой книге являются вымыслом, любые совпадения могут оказаться только случайными.

Глава 1

Телефонный звонок оторвал Ксюшу от уютного созерцания старой кинокомедии по телевизору – под горячий чаек с воздушным печеньем, под веселый обмен репликами и комментариями с родителями. Она любила такие мгновенья радостной беззаботности и семейного единства, напоминавшие ей детство... Совсем недавнее, впрочем.

Неохотно покинув большую комнату, Ксюша сняла трубку в прихожей.

– У тебя завтра занятия заканчиваются в котором часу? – без лишних сантиментов поинтересовалась трубка.

– Последняя пара в два. А что?

– Отлично. Будь к четырем возле Дома кино.

– Зачем это? – нехотя протянула Ксюша. – Опять коктейль?

– Ксения, – строго сказала Александра, – помрешь старой девой!

– Ну, Саш, мне надоело... – попробовала поспорить Ксюша, не надеясь, впрочем, на успех.

– К четырем, слышишь!

Гудки отбоя были категоричны, как голос Александры.

... На девятнадцатом году жизни у Ксюши случился полугодовой, неудачный и единственный роман с однокурсником.

На двадцать втором году Ксюша все еще была одинокой девицей на выданье, и ее старшая сестра, Александра, стала проявлять нешуточное беспокойство.

Ксения попыталась отвязаться от назойливой опеки сестрицы: «Мужчины меня не интересуют. Я, наверное, фригидна».

Ох, как Сашка взвилась! Она накричала на Ксюшу, велела выбросить глупости из головы и пообещала лично заняться подбором приличной кандидатуры, «а не каких-то там сопливых студентов, которые ничего толком не умеют и только отравляют юным девицам само представление о любви и о сексе!».

И Александра занялась. Она брала Ксюшу на все презентации, пресс-конференции, приемы и тусовки, которые посещала вне зависимости от того, собиралась писать статью или нет. Модная журналистка, Александра считала необходимым держать руку на пульсе светско-политической жизни, а модные тусовки считали необходимым украсить ряды приглашенных модной журналисткой – так, к обоюдной выгоде, происходил симбиоз Александры со столичной жизнью.

Нельзя сказать, чтобы Ксюша ощущала себя в своей стихии, таскаясь за Александрой по приемам. В отличие от старшей сестры она терялась, смущалась, была напряженной, фальшиво смеялась и постоянно краснела, когда к ней обращались, всякий раз испытывая острое желание сбежать. Но Александра твердила со смехом: ничего, мы из тебя сделаем цивилизованного человека! Главное, присмотри кого-нибудь, кого можно назвать мужчиной!

Ксюша огрызалась: а сама-то присмотрела? Ты отчего это до сих пор одна – от избытка настоящих мужчин?

– А ты где собираешься их искать, в университетской библиотеке? – парировала Александра. – Одного придурка уже нашла, мало показалось?

И в тот понедельник, который позже Ксюша окрестила роковым, она, уже давно перестав сопротивляться, послушно потащилась за старшей сестрой-журналисткой на международный симпозиум частных детективов...

...Реми Деллье приехал в Москву на симпозиум, организованный русским МВД, мэрией Москвы и крупной компьютерной компанией-спонсором. Изучив программу, Реми за гладкими официальными строчками без труда увидел его истинные задачи: российские правоохранительные органы надеялись поднять при помощи более опытных зарубежных собратьев правосознание русских частных сыщиков и приручить их к себе; московская мэрия питала надежды на то, что удастся навести хоть немного порядка в том бардаке, который представляла собой на данный исторический момент русская столица; компьютерный спонсор рассчитывал приучить русских Шерлоков Холмсов пользоваться компьютерами и в особенности покупать их у фирмы-спонсора – и все вместе они устроили международную тусовку для детективов всех мастей и стран, которым предстояло нежно брататься друг с другом и с русской милицией в течение пяти дней.

Открытие симпозиума, происходившее в Доме кино, где устроители арендовали зал с фойе, было торжественным, претенциозным и скучным. Приветственные речи, блестящие в свете телевизионных юпитеров лысины, мятые, хоть и дорогие костюмы, нелепо сидящие на упитанных телах московских чиновников, – все вызывало у Реми зевоту, и он с сомнением качал головой, спрашивая себя, не сглупил ли он, приехав сюда.

На коктейле народу оказалось примерно вдвое больше, чем участников симпозиума. Откуда взялся народ, Реми так и не понял. Похоже, прибилась на съестные запахи. «Говорят, в Москве голод... – подумал Реми, – можно людей понять...»

Впрочем, те, кто попадал в его поле зрения, на голодных похожи не были.

Между разномастными международными детективами заблестали то там, то сям женские наряды, заструился женский смех. Реми женщин любил. Тем не менее, дожив до тридцати одного года, все еще был холостяком. Сменив двух близких подружек (не считая неблизких), он на данный момент пребывал в состоянии вполне удовлетворительного одиночества, жениться не желал и даже новую подружку заводить не хотел – устал от семейных сцен и пристально-придирчивого интереса к его заработкам. Так что если Реми и любил женщин, то примерно так, как некоторые любят кошек: вообще да, но иметь их дома – нет. Поэтому при знакомствах он стал последнее время осторожен: чуть зазеваешься, так и с новой сожительницей окажешься.

Тем не менее он стал оглядываться с интересом. Вокруг него было, по крайней мере, что-то новенькое: вокруг него были *русские* женщины. Он был о них наслышан – то знакомые, то пресса подкинет сюжетик, и притом в самых разных тональностях. Одни утверждали – краются и одеваются, как проститутки, да и ведут себя так же. Другие рассказывали, что азиатские устои у них в крови и русская женщина по сути – мусульманка, которая покорна мужу и не имеет права голоса в семье; третьи пускали слюни от потрясающих русских манекенщиц; четвертые на русских женились... Последние ничего не рассказывали (ну кто же это вам во Франции расскажет о личной жизни!) – но их выдавали глаза: еще недавно потухшие, они вдруг начинали светиться новой жизнью... Впрочем, тоже не у всех. Некоторые начинали пить.

Реми не верил ни тем ни другим – он верил себе. И поскольку любопытства (мм-м, скажем, исследовательской страсти) ему не занимать, он решил воспользоваться моментом и составить собственное мнение о предмете.

Предмет был представлен широко. От толстых теток в чем-то блестящем, сверкавших яркими тенями на глазах и яркими тканями на чересчур круглых боках, – до голенастых стройных малолеток, сверкавших ягодицами и любопытными глазками, чрезмерно подведенными.

Первое Реми не интересовало. Второе, пожалуй, тоже – возраст, мои милые, возраст. Мы уже вышли из возраста, когда... И еще не вошли в его другую стадию, когда...

Так что ни первое, ни второе. Реми с высоты своего роста окинул взглядом фойе, в котором происходила кормежка детективного, а также приبلудного народа, в поисках третьего. И третье не замедлило попасть в поле его зрения.

Нет, в ней не было ничего броского и вызывающего, тонкое лицо было серьезно, хотя едва заметная усмешка бродила в уголках полных, чуть тронутых помадой губ. В костюме светло-серой тонкой шерсти, в узкой длинной (до середины икр) юбке, обнимавшей стройные ноги, она ничем не сверкала, кроме рубина на пальце, который вспыхивал темно и кроваво каждый раз, когда его обладательница вскидывала на прицел небольшой микрофон ко рту собеседника, как только последний этот рот открывал. Вместе с микрофоном вскидывались на прицел темные глаза, и представители самой мужественной профессии, до сих пор провожавшие взглядами-фотовспышками каждую короткую юбочку, вдруг замороженно столбенели, наткнувшись на темные, с золотой искрой глаза журналистки. Реми решил подобраться поближе к этому чуду – в конце концов, почему бы ему тоже не дать интервью? – как по дороге наткнулся на еще одно удивительное создание.

Сначала была спина в светло-голубом. Просто спина, узкая, женская. А по спине струилась коса. Шелковистая каштановая коса до поясницы. Кажется, последний раз такие косы он видел в каком-то кино. И то в детстве.

Потом был полупрофиль нежной щеки (совсем девчонка!); он слегка прикоснулся, прося разрешения пройти (теплые плечи!), и обрел лицо. Лицо на него глянуло так, словно оно его узнало: радостно взмахнуло ресницами и порозовело. Этакое свежее яблочко... Актриса, должно быть, – начинающая, на ролях сусальных ангелочков. Тут народ какой-то натек на буфет детективов, а кто может натечь в Доме кино, как не его постоянные киношные обитатели?

Французскому детективу было невдомек, что народ в России может натечь откуда и куда угодно, если там тусовка.

– Бонжур, – сказал Реми, – вы не знаете, кто здесь отвечает за организацию? Я не вижу здесь одного своего русского друга и хотел бы о нем расспросить... – и вдруг спохватился, что говорит по-французски. Мир нынче говорит все больше на английском, что Реми несколько удручало как патриота: то ли дело в старые добрые времена, когда высшим шиком считалось... Впрочем, приходилось мириться с реальностью, и Реми переспросил на вполне приличном английском: добрый вечер, организация, русский друг...

– Я говорю по-французски... – заявило существо и распахнуло глаза. Реми тоже распахнул: в придачу к сказочной косе у этого существа водились неправдоподобные, почти круглые, теплые карие глаза.

– О, какая удача! – запел Реми. – Это необыкновенное везение! У вас потрясающее произношение! – Он врал: девушка говорила с акцентом. – А вы здесь тоже участвуете в симпозиуме?

В вопросе была легкая ирония – он был абсолютно уверен, что нет. Кареглазка не замедлила смутиться:

– Нет... Я просто пришла... И я не знаю, кто отвечает за организацию. Ничем не могу вам помочь, к сожалению.

– Вы актриса?

На этот-то вопрос Реми предполагал утвердительный ответ. Но она смутилась еще больше: «Н-нет...» – и покраснела еще больше.

Ресницы упали, лицо отвернулось, предоставив ему снова нежный овал розовой щеки, и Реми вдруг разозлился. Какого хрена он пристает к какой-то писюхе? Чего ему от нее надо? Чего ему вообще надо от женщин? Ничего! Ни-че-го! Он взял от них бессрочный отпуск.

Он суховаато извинился и протиснулся дальше. Журналистки уже не было на прежнем месте. Он и ее не стал искать: чего ему надо от нее? Ни-че-го!

Симпозиум проходил в конференц-зале гостиницы «Космос», буфет был поскромнее, чем накануне, в день открытия, и, главное, уже не дармовой, и незваные гости больше не смущали рабочее настроение детективов. Сегодняшняя конференция заканчивалась в четыре, после нее в программе был какой-то музей, и Реми, выйдя из зала, решал дилемму «ехать – не ехать». Любителем музеев он не был, если не брать в счет музей криминалистики, но, с другой стороны, чем ему еще заняться в незнакомом городе, где люди говорят на незнакомом языке? Алексей, его русский друг, оказался болен ангиной – Реми навестил его вчера. Алексей звал к себе и сегодня, но... Неудобно беспокоить человека два дня подряд. К тому же больного, к тому же занятого... Так что, похоже, придется ехать в музей.

Вот тут-то он и увидел ее.

Он не сразу понял, где он видел эти круглые, теплые, карие глаза. Да и косы на этот раз не было: волна каштановых волос, с легкой рыжинкой в выгоревших за лето прядях, выплескиваясь из-под белого берета, свободно бежала по спине, цепляясь лишь по краям за белый ворс легкого пальто. Пальто было расстегнуто; под ним виднелся бежевый костюм, напомнивший ему чем-то Журналистку: тонкой шерсти, с узкой длинной юбкой, обнимавшей стройные ноги... В этой одежде кареглазка выглядела немного старше, чем показалась ему на открытии, – Реми поднял планку до двадцати – двадцати двух лет.

Он не знал, двинуться ли навстречу длинноволоске или притаиться, последить: чего это она тут делает, в гостинице, к кому пришла? Но карие глаза настигли его, распахнулись, рванулись к нему, и вслед за ними рванулась их обладательница.

Реми приготовил для нее лучшую из своих улыбок.

Долетев до Реми, девушка остановилась перед ним как вкопанная. Он только сейчас заметил, что ее верхняя губа слегка вздернута кверху, приоткрывая ровные зубки и придавая ее лицу выражение детской непосредственности.

Несколько мгновений она смотрела на него своими глазами. Реми уж было озадачился: влюбилась, что ли? – и начал подыскивать фразу, которая могла бы вывести их из неловкого молчания, как она выговорила по-французски помертвевшими вдруг губами: «Помогите мне...»

Реми давно не столбенел в своей жизни – ни от страха, ни от избытка впечатлений, – но тут пришлось вспомнить, как это делается. Наверное, роль столба ему удалась на славу, поскольку девушка, не видя никакой реакции с его стороны, в совершенном отчаянии ухватилась за его свитер и горячо заговорила:

– Мне больше не у кого попросить помощи! Любой русский детектив будет обязан сообщить в милицию! А вы здесь чужой, вы – иностранец, и вы – не обязаны! Только вы можете мне помочь... Прошу вас!..

Все это было до такой степени неожиданно, что Реми не нашелся что ответить и уставился на нее изумленно, ожидая продолжения. Но продолжения не было. Девушка смотрела ему куда-то в грудь, кусая нежные губы. Ее рука в бежевой перчатке, до сих пор цеплявшаяся за его свитер, вдруг обмякла, разжалась, упала. Молчание затягивалось. Реми понял, что надо срочно выходить из столбняка.

– Что же у вас случилось? – проговорил он тихо и ласково, как разговаривают старые добрые доктора.

Но он, должно быть, передержал паузу, и кареглазка успела за эти мгновения прожить какие-то неведомые ему сомнения, поскольку она вдруг откинула голову назад, посмотрела на него в упор и заявила:

– Ничего.

Круто повернувшись, она направилась к выходу.

Реми колебался. Будь он причастен к научным, политическим, военным секретам – он бы сразу заподозрил неладное. В этом маленьком спектакле мог быть спрятан тайный интерес. Но какой тайный интерес можно иметь к частному детективу? Он быстро перебрал все возможные мотивы, отверг их все разом и заключил, что у девушки действительно что-то случилось серьезное, раз она – явно застенчивая! – решилась обратиться к незнакомому человеку за помощью.

Реми догнал ее в два прыжка и взял под локоть.

– Это не дело, девушка. Объясните, что у вас стряслось! Иначе как я могу вам помочь?

– Я зря пришла... – Она остановилась и повернулась к нему, и Реми увидел на ее глазах слезы. – Вы не сможете мне помочь. И никто не сможет...

И она снова направилась к выходу.

Еще один прыжок:

– Погодите!

Не остановилась.

Еще прыжок:

– Стойте, я вам говорю!

Поймал в дверях:

– Не знаю, в моих ли будет силах сделать что-нибудь для вас, но дайте мне хотя бы попытаться!

– Вы не станете мне помогать.

– Вы так уверены?

Горькая усмешка в ответ. Но, слава богу, осталась стоять на месте.

– Что у вас стряслось? – требовательно произнес Реми.

– Хорошо, – решилась Кареглазка. – Раз вы так настаиваете...

(Как это у нее получилось, что *настаивает* – Реми?)

Длинноволоска несколько мгновений поизучала свитер Реми. Наконец подняла свои огромные карие глаза и посмотрела в упор:

– У меня вот что стряслось...

Шумно и судорожно перевела дыхание.

– Я убила человека.

Реми не стал грешить повторами и исполнять во второй раз роль столба, даже если эта роль получалась у него отлично. Он просто сказал ей «подождите меня» и поднялся в номер, чтобы взять куртку, боясь, что она за это время уйдет.

И одновременно желая этого, предчувствуя, что он втягивается в историю, да еще в чужой стране...

Но она его ждала.

Где можно поговорить, если у вас нет ни своего личного кабинета, ни даже своей квартиры? Гостиничный номер – двусмысленно... Конечно, в баре! Ну, а если нужно поговорить так, чтобы никто не понял ваших слов? Конечно, в том баре, где меньше всего шансов встретить соотечественников! Учитывая, что предстоящий разговор предполагался на французском, Реми предпочел свалить из гостиницы, битком набитой всевозможными иностранцами, включая франкоговорящих.

Всю дорогу он сомневался в том, что принял правильное решение. Хм, «я убила человека». А он-то тут при чем? Он, ровно наоборот, как раз из тех, кто ищет убийц, а не помогает им!

– Вы вчера были на открытии нашего симпозиума, я с вами говорил, помните? Я еще спросил...

– Помню, «кто отвечает за организацию...».

– Что вы там делали? Вы не похожи на частного детектива...

– Я журналистка.

Ба, еще одна!

– Вернее, студентка...

– Вы приходили брать интервью?

– Нет... Я просто... Мне надо привыкать к атмосфере шумных собраний... Потому что я... Я всегда теряюсь, когда так много людей вокруг...

Понятно. Это, правда, никак не отвечает на вопрос, при чем тут он, Реми. И почему она выбрала именно его из всех собравшихся на симпозиум разнонациональных детективов. С другой стороны, когда именно на нас обращают внимание, мы ведь принимаем это как должное, правда? Мы ведь самые лучшие, разве не так? Стоит только разглядеть наши достоинства? Они ведь имеются в неограниченном количестве, даже если и глубоко спрятанные? Но когда нас выбирают, мы верим, что кому-то удалось их разглядеть? – иронизировал Реми. И, польщенные вниманием к нашей драгоценной особе, уже тащимся с этой кареглазой незнакомой девицей, чтобы выслушивать ее исповеди...

А точнее говоря, Реми отдавал себе отчет, что уже почти ангажировался ей помогать... «раз он так настаивает...». Но фокус в том, что она успела еще произнести другие слова: «Помогите...» А еще больший фокус заключается в том, что «*только вы можете помочь!*...». И как же было отказаться хотя бы ее выслушать? Средневежтый француз – существо отзывчивое, а уж если просьба о помощи сопровождается прелестным взглядом прелестных глаз – то средневежтое мужское французское существо начинает бежать впереди паровоза, предлагая свои услуги.

Кафе в тихом переулке выбрала Ксения – так представилась ему девушка. Впрочем, добавила она, вы можете называть меня Ксюша, меня все так зовут. Реми, пытаясь создать непринужденный тон, восхитился: как это нежно – Ксю-ю-ша! К тому же «ша»¹ – это ей ведь известно, она здорово говорит по-французски! – означает «кошка», и вместе получается так ласково и пушисто: Ксю-ю-ша, и так идет к ее круглым карим глазам!

Ксюша не имела представления, как выглядят знакомые кошки Реми, но лично она никогда не встречала кареглазых кошек. Тем не менее ей было приятно, и она даже слегка порозовела и улыбнулась, слушая эту птичью французскую трель – «Ксююша».

В малолюдном кафе они выбрали столик, покрытый красной клетчатой скатертью, у окна. Это, собственно, была чайная, и разнообразная домашняя выпечка занимала всю витрину. Реми взял две чашки чая и соблазнился куском воздушного торта, который русские называют французским неприличным словом «безе»². Ксюша от сладкого отказалась и тревожно ожидала, пока он устроится за столом.

– Рассказывайте, – обжегшись первым глотком чая, сказал Реми.

История выглядела одновременно банально и ужасно. Ксюша задумала отселиться от родителей и снять квартиру. Звонила по телефонам, приходила смотреть жилье. Вот и вчера, ближе к вечеру, она поехала осматривать квартиру, которая, по ее представлениям, должна была ей подойти во всех отношениях. Ее встретил мужчина лет пятидесяти, показал жилье, предложил чашечку кофе, за которой они и должны были обсудить детали – квартира Ксюше

¹ Chat – кошка (фр.).

² Название пирожного идет от французского слова *baiser*, означающего «поцелуй», одновременно созвучного широко употребляемому слову «трахать» на арго.

очень приглянулась. За кофе последовал ликер, потом он стал гладить ее коленку... Ксюша несколько раз вежливо снимала с себя его руку и уже решила покинуть чересчур гостеприимного хозяина, с которым она к тому же уже обо всем договорилась, как хозяин вдруг перегородил ей дорогу...

...Пока Ксюша отбивалась, он ей рассказывал, какой он богатый и как засыплет ее своими щедротами, если она не будет упрячиться.

Пока он пытался сорвать с Ксюши одежду, он угрожал и запугивал, рисуя перед Ксюшей страшные картины ожидающей ее кары за несговорчивость. Он-де могущественный мафиози, и дружки у него водятся не менее всесильные. И вот тогда...

И вот тогда Ксюша схватила какую-то вазу и шарахнула этого мужика по голове. И мужик упал.

Ксюша долго не могла поверить, что он умер...

Когда наконец поверила – то сбежала без оглядки. И только теперь понимает, что там остались ее отпечатки, все ее следы... А если ее найдут... (слезы на глазах), она никогда не докажет, что это была правомерная защита, потому что в этой стране нет законов – все управляется деньгами и мафией (слезы по щекам). И тогда, если ее не погубит русская милиция и русская тюрьма, ее погубит русская мафия, к которой, несомненно, принадлежал хозяин квартиры... (хлюпанье носом и платочек из сумочки).

Поставив точку, Ксюша стала выводить ноготком квадратик на скатерти. Ясно, что поле действий теперь было предоставлено Реми. Но он никак не мог понять, чего от него хочет Кареглазка. История была вполне тривиальна, необычно в ней было только одно: что убийца, хоть и невольный, приходит за помощью к частному детективу. Ксюша была права в своих расчетах: случись это во Франции – он был бы обязан сообщить в полицию, обратиться она к русскому детективу – вышло бы то же самое. Закон есть закон! Именно по этой причине с Реми никогда не случалось подобных историй. И именно поэтому он никак не мог понять, чем он в состоянии помочь Кареглазке.

– И что вы хотите? – попробовал угадать Реми. – Чтобы я вас увез во Францию и спрятал там?

– О, нет! – Ксюша немедленно залилась краской. – Я думала, вы сможете мне просто подсказать, как уничтожить следы моего пребывания в этой квартире! Вы ведь в этом должны хорошо разбираться, правда же?

Эта просьба показалась Реми легче выполнимой, чем вывоз Ксюши во Францию, и он горячо принялся инструктировать Ксюшу по поводу отпечатков (не забудьте дверные ручки!), посуды на двоих (вымойте вашу чашку из-под кофе, обе ликерные рюмки и уберите на место!), следов обуви (снять туфли и протереть пол!), возможных записей в его еженедельнике о свидании с ней...

– Вы уверены, что этот человек был мертв? – внезапно спросил Реми, перебив сам себя. – Иначе неоказание помощи...

– Уверена! Я проверила и пульс, и даже веко подняла, и сердце послушала... Он был мертв.

– Значит, тело все еще там?

– Да...

– Вы нашли этого человека через агентство?

Ксюша ответила непонимающим взглядом: при чем тут...

– Да, через агентство...

– Это очень плохо.

Встрепенулась: почему?!

Все очень просто, объяснил Реми: как только тело найдут в квартире, то начнут искать, с кем могла быть встреча, кто мог прийти к нему домой... И могут выйти на агентство – вполне

логично, кто-нибудь да знает, что хозяин хотел сдать квартиру, правильно? – и тогда легко найдут и Ксюшу. Если, конечно, тело найдут *в квартире*.

– А если не в квартире?

– Это будет не столь очевидно. Если тело вынести, а следы вашего пребывания в квартире уничтожить... И тело найдут, допустим, на улице...

Реми задумался. Ксюша начала бормотать, что она сделает все так, как он ей скажет... Вынесет тело... Вычистит следы...

– Этот мужчина жил один?

– Да, как я поняла...

– Тогда едем! – сказал Реми.

Ксюша опешила: едем – куда?

На квартиру, разумеется! Такой хрупкой девочке никогда не вытащить, к тому же незаметно, мужское, к тому же мертвое, тело! Реми чувствует себя обязанным помочь ей! Раз уж «только он может помочь».

Ксюша еще больше опешила. Долго глядела на него своими глазищами. И вымолвила наконец с трудом: когда?..

– Прямо сейчас!

Реми показалось, что девушка грохнется в обморок. Ну да, подумал он снисходительно, ей должно сделаться нехорошо при мысли о трупе, который она к тому же сама...

– Мужайтесь, Ксюша. Если вас интересует мое профессиональное мнение, я вам говорю: это надо сделать. Если вы действительно хотите, чтобы я вам помог, – то я вам помощь и предлагаю. Поехали!

– Я... Конечно, раз это необходимо... Только я сейчас... Я не могу прямо сейчас, у меня дело... То есть мне надо позвонить... – лепетала она. – Мне надо срочно позвонить сначала!

– Звоните, – милостиво разрешил Реми.

Ксения вышла из кафе – там телефона не было – и исчезла на долгих двадцать минут. Реми даже стал волноваться и подумывать, уж не сбежала ли от него Кареглазка... У него даже возникло чувство, что его водят за нос.

Но она появилась. Бледная и растерянная, она сообщила, что готова.

– А ключи – у вас есть ключи?

Ключи? Какие ключи? Ах, ключи от квартиры... Нет, у нее нет... Хозяин ей не успел дать... Но как же тогда они попадут в квартиру? Тогда нет никакого смысла ехать!

Что ж, это будет им стоить заезда в гостиницу, сообщил Реми. Там у него есть кое-что, способное заменить любой ключ. Привез в Москву специально, чтобы обменяться опытом с другом – помните, Ксюша, я вас еще о нем спрашивал?..

Из окна такси Ксюша никак не могла узнать дом. Снова у Реми возникло чувство, что его водят за нос, но быстро растаяло: Ксюша шла пешком от метро, и с этой стороны (с которой подвезло такси) никак не могла сориентироваться. В конце концов дом нашелся. Большой каменный дом, смотревший окнами на Москву-реку. Под окнами газоны, кусты, деревья. Дальше проезжая часть. За ней – река. Реми прикидывал, куда будет лучше пристроить труп. Сбросить в реку? Это было бы наиболее разумным решением... Если уж он всерьез намерен отвести все подозрения от Ксюши.

Надо продумать, как это сделать незаметно. Сейчас темнеет рано – осень...

Подъезд заперт, на стене домофон. Ксюша нервничала.

– Проблема в том, что подъезд либо открывается своим ключом, либо нужно позвонить в ту квартиру, в которую идешь, и тебе откроют...

Она посмотрела на Реми беспомощно. Тот улыбнулся:

– Вы способны произнести весело и уверенно – разумеется, по-русски: «Это я!»?

- Наверное...
- Давайте, я послушаю.
- Это я...
- Не годится! Повеселее!
- Это я.
- Еще разочек!
- Это я!
- Ну вот и отлично.

Реми быстро нажал подряд все номера квартир, и нестройный хор голосов откликнулся из домофона: кто там?, кто там?, кто там?..

- Это я!!! – выпалила Ксюша.

Загудел зуммер, и они оказались в подъезде.

Дверь на втором этаже на проверочный звонок не ответила и спустя каких-то семь минут уступила Реми, несмотря на три замка. Темная прихожая пахнула на них пустотой. Ксюша замерла у стенки.

- Не снимайте ваши перчатки. Где осталось тело?
- Т-там, – она слабо махнула рукой в проем двери, ведущей в комнаты.

Реми прошел вперед, оставив девушку, умирающую от страха, в коридоре, и через мгновение из комнаты донесся его голос:

- Но тут нет никакого трупа!..

Поскольку ответа не последовало, он выглянул из комнаты. Мелькнула мысль, что она сбежала со страху – но она не сбежала, она просто сползала по стенке. Реми подбежал, тряхнул мягкое белое пальто вместе с тем, что в нем находилось. Берет слетел на пол – поднял, побил о бедро, отряхивая, протянул:

– Держите себя в руках, Ксюша, сейчас не до обмороков. В чужой квартире надо действовать быстро. Где оставалось тело, когда вы уходили?

Он почти насильно ввел девушку в комнату. Ранние сумерки размыли очертания вещей, а зажигать свет было бы неосторожно. Но все же комната была достаточно хорошо видна.

– Покажите, где? В этой комнате? Или в другой – там есть еще одна, я туда не заходил. Здесь сколько комнат?

– Три... Но он собирался сдавать две. В третьей владелец квартиры хранит свои вещи, и она заперта...

Реми подергал ручку третьей, запертой двери и вернулся к Ксюше, покачивая головой:

- Так где же оставалось тело?

Ксюша поводила глазами по комнате, словно пыталась вспомнить. Реми терпеливо ждал.

- Там. – Ксюша указала на свободный угол ковра.

Реми ступил на указанное место и пригнулся. Светил фонариком, всматривался в пестрый узор.

- Крови было много?

Ксюша бессильно опустилась на какой-то стул. Реми отправился на кухню, нашел чашку, принес ей воды:

- Пейте.

Подождал, пока выпьет, и переспросил:

- Много было крови?
- Н-нет. Совсем чуть-чуть...

– Вам повезло, ковер темный, красно-коричневый, ничего не видно. Но лучше было бы его сдать в химчистку... Если его выбросить совсем, это будет подозрительно. Ох, этот ковер очень осложняет нашу задачу!

– На ковре не должно быть следов крови... Он упал головой туда. – Ксюша ткнула пальцем в направлении окна.

– Покажите, как лежало тело!

– Я не запомнила точно, я так испугалась!.. Примерно вот так...

Выходило, что голова действительно прилась на половицы паркета. Но и там не было следов крови. Ни трупа, ни следов.

– На вашей одежде не могли остаться следы крови? Вы вчера были одеты так же?

– Нет, на мне была куртка.

– Проверьте ее, а лучше сразу постирайте. Как вышло, что вам удалось его ударить по голове? Он пригнулся?

– Да...

– Покажите как.

Ксюша медлила. Реми подождал и, видя ее растерянность, сменил тему: попросил описать мужчину.

– Среднего роста... Лет пятидесяти... Лысоватый... – с трудом говорила она, вспоминая.

– Какого телосложения? Худой, толстый?

Ксюша поняла: Реми пытается представить, могла ли она, довольно хрупкая девушка, убить одним ударом мужчину. Значит, он ей не доверяет до конца... Она придала голосу вескость:

– Худощавый. Но с небольшим животиком. Дрябловатый такой, спортом явно не занимается.

– А лицо можете описать? Глаза запомнили, цвет волос?

– Это имеет значение? – в голосе Ксюши прозвучал вызов.

Реми эта информация была не нужна – он же не собирался разыскивать сбежавший труп, – но что-то в истории этой милой девушки с наивными глазами не сходилось...

– Не прямое, – ответил он. – Просто я хочу проверить, как хорошо вы запомнили происшедшие события и можно ли доверять вашей памяти, – выкрутился он и подумал, что это не так уж далеко от истины. – Так сможете описать лицо?

– Оно такое невыразительное, рядовое... Даже не знаю, какими словами его описывать.

– Нет никаких примет? Рост средний, телосложение среднее, возраст средний, лицо среднее? Ничего, что бросилось в глаза?

– Ничего.

– Совсем ничего?

– Право, он такой невзрачный... Ничего примечательного... Кроме...

Ксюша запнулась.

– Кроме? – поторопил ее Реми.

– ...Кроме перстня на пальце.

– Вот как? – заинтересовался Реми. – А перстень описать можете?

– Золотой... С большим синим камнем.

Реми посмотрел на Ксюшу внимательно:

– Сапфир?

– Я в камнях не разбираюсь. Синий.

– Ну и как же вышло, что вам удалось его ударить по голове? Вы ударили сзади? Спереди? Он наклонился?

– Наклонился, – угрюмо ответила Ксюша. – Хотел с меня трусики сорвать.

Реми немного смутился. Он бестактен, непростительно бестактен. Решил помочь девочке, а ведет себя, как ее враг, как полицейский, подозревает. Зачем ей врать? Она же пришла к нему за помощью! Какой ей смысл скрывать что-либо? Тут уж как у гинеколога: показывай все. Или не ходи.

Молчание затянулось. Он оглядывал комнату, пытаясь представить развитие сцены.

– А почему тела нет? – вдруг проговорила Ксюша.

– Либо его кто-то унес, либо оно ушло само.

– Мертвые сами не уходят!

– Возможно, он все-таки остался жив.

– А... А что же мне теперь делать? Если он жив, он найдет меня! И засадит в тюрьму!

– Послушайте, Ксения, – Реми осторожно взял ее за плечи, – вы должны радоваться, что не убили человека. Ничего он вам не сделает. Если он жив, то вся ваша вина лишь в том, что вы его стукнули по черепу. За это никто вас под суд не отдаст! Хуже, если тело кто-то унес. Тогда ситуация выходит из-под нашего контроля... Однако все, что мы можем сделать, – это уничтожить здесь следы вашего пребывания. Чем мы и займемся. Где ваша ваза?

В нише стенки стояли две большие китайские эмалевые вазы: желтая и голубая. Ксюша указала на левую, желтую.

– Это вы ее поставили на место?

– Не помню...

Реми заметил, что в тонком слое пыли, покрывавшем мебель, кружок от вазы был не смазан, аккуратен. Тот, кто поставил эту вазу на место, постарался попасть точно в этот кружок – значит, ставили не машинально, а прицельно. И если Ксюша об этом не помнит, то ее поставил кто-то другой.

Реми ничего не сказал Ксюше, только повертел вазу в перчатках, осветил, пожал плечами:

– На ней нет видимых следов... вмятин.

Вытащил из своего чемоданчика тряпочку, накапал на нее из флакона и протер.

– Вы уверены, что желтой вазой? – поинтересовался Реми, рассматривая вторую, голубую. Пыль вокруг второй вазы тоже не была смазана.

– Кажется...

– Вам удалось не оставить следов... Впрочем, вазы крепкие, металлокерамика. Вспомните, Ксюша, к чему прикасались, – говорил Реми, лихо проходя, как заправская домохозяйка, по всем ручкам и поверхностям. – Во второй комнате были?

– Только на пороге. Когда хозяин мне ее показывал.

– А где вы пили кофе?

– Кофе?... Мы пили кофе... на кухне.

– Но там нет никакой посуды! Ни на столике, ни в мойке. Пойдите взгляните.

Ксюша с трудом поднялась и направилась на кухню. Она открыла дверцу какого-то шкафчика и увидела ряд кофейных чашек, а за ними, поглубже, набор маленьких рюмок из позолоченного серебра.

– Мы пили кофе из таких! – крикнула она Реми. – И вот из этих рюмок – ликер!

Реми возник на пороге. Сунул нос в шкафчик, оглядел все чашки и рюмки, прошелся по ним своей тряпочкой.

– Может, вы сами вымыли посуду, уходя?

– Я? Не знаю... Кажется, нет...

Что-то в этой истории было не так. Кто-то пришел сюда после Ксюши и уничтожил все ее следы? Или владелец квартиры остался жив и все прибрал сам? Или девушка морочит ему голову? Но зачем?

– А ликер какой был? – спросил он.

– Французский.

– О-о! Название помните?

– Нет. Бутылка была пузатая... Из темного стекла...

– А где она стояла?

– Хозяин принес ее из комнаты, я не видела откуда.

– А почему он принимал вас на кухне?

Ксюша пожалала плечами. Так в России принято. Если это не «гости», то принимают на кухне...

Реми вернулся в комнату и, осмотрев мебельную стенку, нашел за одной из дверок бар. Среди прочего находилась бутылка французского ликера «Гран-Марнье». Реми обтер и ее. Передвинувшись к секретеру, он нашел еженедельник и позвал Ксюшу. Изучив его содержание, Ксюша сообщила, что в нем нет записей о встрече с ней.

– Тем лучше. А теперь поищите пылесос!

Ксюша безошибочно нашла его в небольшом чуланчике между комнатами.

– Пропылесосить?

– Нет, я сам. А то ваши волосы могут остаться в квартире. Ждите в прихожей.

Реми провозился еще минут пятнадцать. Он что-то поковырял в половицах паркета, протер тряпкой пол, отходя назад, к порогу. Затем, выглянув на лестничную площадку, с предосторожностями послал Ксюшу вытряхнуть мусор из пылесоса в мусоропровод.

Наконец все было вычищено, протерто, проверено, и они покинули квартиру, ни с кем не столкнувшись на лестнице.

Миссия Реми была выполнена, и теперь, кажется, наступила пора расставаться.

Но расставаться не хотелось. Реми привык к одиноким вечерам своей одинокой жизни, более того, он ими наслаждался; но в чужом городе одиночество было каким-то некомфортным, неожиданно пронзительным – может, оттого, что еще не улеглось возбуждение от только что предпринятого приключения и хотелось его как-то отметить, завершить, например, бокалом вина; а может быть, просто на фоне оживленных москвичей, гуляющих, несмотря на холодную осеннюю погоду, парочками, группками, компаниями – шумными и веселыми. Казалось, в этом городе у всех постоянный праздник, и трудности, переживаемые страной, о которых столько говорят во Франции, показались Реми враньем и пропагандой – по крайней мере, на этих лицах отпечатка пресловутых трудностей не было. И ему отчего-то вдруг захотелось принять участие во всеобщем веселье.

Не хотелось отпустить от себя Ксюшу еще и потому, что он ощущал недоговоренность, странность во всем, что он только что увидел и услышал. Все, что увидел, – не сходило с тем, что услышал. Убила – тела нет, и даже следов от него нет, кофе с ликером пила – посуды нет, ударила вазой – та девственно чиста. Согласитесь, что-то тут не то. В этой истории либо все же много лжи, либо все куда хуже, и в Ксюшину историю вмешался некто третий, который теперь подчинил развитие событий своему сценарию... Тогда что-то опасное заслонило горизонт, и Ксюша впутана в чужую игру. Тут Реми бессилён... И уже не сумеет ее ни поддержать, ни защитить. Ему вообще уезжать через три дня...

Можно ли что-нибудь сделать для нее за оставшееся время? Он хотел бы ей помочь: он уже, можно сказать, стал ее соучастником и чувствует за нее ответственность... И даже некоторую близость...

Короче, не хотелось оставаться одному и хотелось понять. И он позвал Ксению поужинать.

Ксюша согласилась.

В ресторане он, стараясь ничем не выдать своих сомнений, осторожно расспрашивал ее о том о сем. Ничего такого, что могло пролить свет на эту загадочную историю, ему узнать не удалось, все было просто и ясно, как в детской книжке: студентка, живет с родителями, есть старшая сестра, которая живет отдельно, есть подруги, парня нет (отчего-то вдруг обрадовался). Зато к концу вечера он ощутил странный, уже подзабытый трепет сердца при мысли о расставании и, против всякого благоразумия и правил своей холостяцкой жизни, пригласил

ее назавтра снова на ужин, убеждая себя, что ему все равно через три дня уезжать и он ничем не рискует...

Глава 2

Алексей Кисанов, к которому со времен его детства прочно прилепилось прозвище Кис, был в самом мрачном расположении духа. Во-первых, болело горло. Не просто болело – пошло какими-то отвратными нарывами. Три раза в день полоскать прописанной врачом гадостью, глотать антибиотики, шататься и потеть от слабости, вызванной высокой температурой, – спрашивается, у него есть на это на все время? Отвечается: нет! Нет у него времени, нет у него такой роскоши – поболеть в кровати! У него дела, причем неотложные. А во-вторых – дела эти не двигаются. Отчасти из-за ангины, отчасти из-за... хрен его знает отчего. Есть еще и в-третьих: пропустил симпозиум. Кису на симпозиум начихать – это все мэрия с милицией затеяли, чтобы прибрать частных детективов к рукам, попытаться вытеснить их с криминальной территории, оставив частникам слежку за неверными супругами и конкурентами. Но Кис рассчитывал во время симпозиума зацепить кое-какие контакты как в России, так и за рубежом: иногда бывает нужна помощь, и вот тут и спасают личные знакомства... Так что он планировал разжиться визитками. А вышло что? Ангина и несделанная работа.

И негодника Ваньки нет – наделал хвостов в прошлом году и теперь мучительно сдает их. В большой трехкомнатной квартире Киса на Смоленке, в которой и процветало его сыскное агентство АКИС (Алексей Кисанов, понятно ведь?), стало тихо и пусто без Вани – веселого прогульщика, который снимал маленькую комнату у Киса, расплачиваясь за нее услугами. На время экзаменов Ванька перебрался к своим родителям: кормят-поят-обслуживают его важно-экзаменационную персону. И вот теперь сидит бедный Кис, всеми заброшенный, у себя на кухне, размешивает в стакане водку с медом и жалеет себя. И Реми тоже хорош – вчера прискакал, а сегодня даже не позвонил.

Строго говоря, Кису было весьма кстати побыть одному: если днем бегать, а вечером пить водяру с приятелем, то когда же думать? Ночью надо спать – особенно в его состоянии, когда его буквально подкашивает температура под тридцать девять. Так что вечер высвободился, оно и к лучшему... И все же ему было обидно, что Реми не пришел. Кис болел, как болеют маленькие дети: капризничал без причин – просто изводился от высокой температуры и ломоты в теле. Ему хотелось забраться в постель и чтобы кто-нибудь за ним ухаживал: приносил противные лекарства, горячую еду на подносике – а он бы привередничал и нос воротил... Отчего это Реми не пришел? Нового приятеля завел в Москве? – ревниво думал он.

Нет, Кис вовсе не был сторонником однополю любви. Он к своим сорока трем годам вообще не был сторонником никакой любви. Разучился он любить. Может, не любить, а просто доверять – но Кис не умел любить без доверия. А доверять перестал – всем. Жена сбежала семь лет назад с его близким другом со студенческих лет, финансы которого неизмеримо превосходили финансы Алексея, тогда еще только начинавшего частного сыщика. Вот так, пришла в один прекрасный день и сказала: «Я с тобой развожусь, Алеша...» А Кис до того самого дня ни сном ни духом не ведал, что отношения жены с другом не то что зашли так далеко, а вообще существовали!

Спрашивается, можно после этого доверять кому бы то ни было – будь то друзья или женщины?

А Реми ему сразу показался симпатичным. Он вышел на него через знакомых, когда ему понадобилась помощь в Париже – выслеживал одного хмыря с любовницей. Реми охотно подключился, они познакомились – и Алексею понравилось в нем то, что в душу не лезет, умеет молчать, чутко чувствовать настроение и даже мысли. Дружба их была странной, во всяком случае, для русского человека: они виделись крайне редко, ничего интимного и философского не обсуждали, да и английский в качестве международного средства общения не очень-то способствовал обмену мыслями, а вот поди ж ты – понимали друг друга. Неожиданно выяснилось,

что не нужна ни общность взглядов, ни общность воспитания, культуры, биографии, возраста – все было разным, но им друг с другом было хорошо. Каждый чувствовал – на другого можно положиться. И Алексей очень ценил это уже подзабытое ощущение.

Кис осушил сладкую медовую водку залпом, кривясь – гадость какая! – и решил идти спать. Кис ложился обычно поздно, а сейчас было всего каких-то одиннадцать часов, но благоразумие подсказывало, что лучше всего завернуться в одеяло, согреться и уснуть. К тому же пустота квартиры его угнетала... в чем он, впрочем, не хотел себе признаваться; и телефон, паршивец, молчал: вечно трезвонит как проклятый, когда не надо, а вот сейчас, когда Кису так неуютно и одиноко, молчит, подлец!

Может, домработницу завести? – думал Кис, волочась к постели. Какую-нибудь пожилую заботливую тетю Машу-Дашу... Она бы за ним поухаживала, уложила бы его в постель... Чушь какая! Тетя Маша-Даша, если бы и существовала, уже давно бы убралась к себе домой, кормить своего пьяницу-мужа и прочее семейство! Так что одиночество Кису, видать, на роду написано, и даже домработнице не суждено его скрасить...

И тут телефон зазвонил. Прямо у Киса в руке – он нес его к кровати. «Алло?» – просипел он в трубку.

Это был Реми. Рассыпавшись в тысяче извинений, что не сумел позвонить раньше, француз сообщил, что познакомился с одной девушкой... Да, с *русской* девушкой... Так что сегодняшний вечер оказался неожиданно занят... Впрочем, история получилась несколько странная, он завтра расскажет Кису... Завтра, скажем... мм-м... если Киса устроит часов в... мм-м... одиннадцать вечера? Не поздно будет? Кис ведь обычно поздно ложится? Поскольку в семь у Реми ужин... С ней? Конечно, с ней, с кем же еще! Выздоровливай, Кис!

Ну вот, приехали. Когда это он успел? – ревниво пробурчал про себя Кис. Он почувствовал себя преданным, как будто у них был сговор состоять в профсоюзе холостяков всю жизнь, а вот Реми теперь решил из профсоюза выйти.

Резвый какой, однако! Не успел приехать в Москву – и нате вам, девушка у него уже! Кис в Москве живет, и временем располагает, и русским языком – а вот поди ж ты, никаких девушек у него нет! Впрочем, это он просто так, ворчит по-стариковски. Реми еще совсем молодой. Надоели ему женщины? В тридцать один год такие слова звучат скорее как шутка... куда же он от них денется! То ли дело Кис – ему сорок три, и его намерения уже можно принимать всерьез.

А что касается «несколько странной истории» – так с женщинами всегда странные истории приключаются, ничего удивительного, брызжал Кис, закапываясь в холодное одеяло. Но только вряд ли его можно считать специалистом в области женской психологии, тут у него имеются сомнения, что он может оказаться хоть чем-то полезен Реми...

Кажется, где-то посреди этой мысли Кис и уснул.

Весь следующий день Реми пребывал в полном разладе с самим собой. Он пропустил мимо ушей почти все доклады, он рассеянно и невпопад отвечал на приветствия новых и старых знакомых по симпозиуму. Он думал о Ксюше, он заново и заново прогонял в голове ее рассказ. Во всей этой истории было явно что-то не то... Он просто нутром чувствовал какую-то... фальшь, что ли? Нет, нет, в Ксюше фальши не было! Напротив, в этой девушке было столько искренности, столько тепла, которое, казалось, щедро струилось от нее, столько открытости миру, готовности этот мир (включая Реми!) понять, принять, любить, что он не мог ей не верить...

Вечером они снова ужинали вместе, и в ресторане он вел себя непринужденно, болтал и острил вовсю – может, даже чрезмерно: прятал беспокойство.

Кажется, удачно: Ксюша беззаботно смеялась его шуткам – может, даже чрезмерно... Слишком беззаботно для человека, совершившего всего лишь два дня назад убийство! Тем более что труп сбежал... Даже бывалому детективу не по себе от догадок.

Он смотрел в эти чудные, карие, глубокие глаза, словно пытаясь найти ответ на свой вопрос. Но в глазах ответа не было, в глазах искрилась радость, смех, удовольствие – он ей нравился, ей было хорошо с ним, и она непринужденно смеялась его шуткам, и верхняя, немного вздернутая губа обнажала ровные веселые зубки. Его мучило ощущение обмана – но она была так по-детски открыта, простодушна! Невозможно было ей не верить! И в то же время во всей этой истории были какие-то мелочи, которые его настораживали, которые ему шептали: тут что-то не то!

Где же было запрятано «что-то не то»? – ломал голову Реми. А оно было! Оно дразнило, оно подкрадывалось, оно накатывало некстати посреди очередной смешной фразы, и Реми делал усилия, чтобы не выдать своих сомнений.

И в то же время – оно интриговало. Оно обостряло ощущения. Более того, оно обольщало. И Реми чувствовал, что теряет голову.

После ресторана, прощаясь у подъезда, он уже грел ее холодные пальцы в своих руках, он дышал на них и целовал розовые нежные подушечки, прижимая их к своему лицу; он добрался до застывших, робких губ, он нырнул в умопомрачительно-воздушную, прохладную волну волос и шептал, шептал, шептал – что они встретятся завтра, и послезавтра, и послепослезавтра, и вообще он поменяет билеты и задержится в Москве...

А потом что? – думал он. Разве это спасет?

Реми обхватил ее за плечи.

– А потом я пришлю тебе приглашение на Рождество... В Париже очень красиво на Рождество... Приедешь?

Она кивнула, и ее волосы нахлынули на него вслед за руками, потянувшимися к его шее.

С проспекта Вернадского, куда он проводил Ксюшу, Реми направил свои стопы – вернее, колеса такси – на Смоленку, к большому старинному желтому дому, где в просторной трехкомнатной квартире обитал Кис.

Реми начал с порога: познакомился вчера с девушкой, имя какое чудное, только послушай – Ксю-ю-уша, но такая странная история приключилась, хотел бы услышать мнение друга...

– Спросил бы хоть для приличия, как я себя чувствую! – буркнул Кис.

– Я и так вижу – плохо.

– Мне почему-то всегда казалось, что французы – народ деликатный.

– Это всего лишь один из мифов.

– Спасибо, что просветил. Рассказывай свою странную историю. Только, предупреждаю, я вряд ли могу быть советчиком по части женской психологии.

– Во-первых, ты русский. И как русскому человеку тебе легче понять...

– Ты мне напоминаешь одну мою знакомую, – бесцеремонно перебил Кис, – она вечно приходит ко мне и спрашивает совета: скажи мне, Леша, как мужчина... А что я могу сказать как мужчина? Мужчины все разные! Одному надо сразу дать, чтобы его зацепить, а другого надо поводить за яйца (Кис вставил французское слово, которому его научил Реми: слово звучало как родное – «куй») как следует, потомить, чтобы дело выгорело...

– Ты – русский, – упрямо повторил Реми, не улыбнувшись шутке, – и ты знаешь то, чего не знаю я. И во-вторых, ты детектив.

– Ты, кажется, тоже?

– Ты русский детектив!

– Ладно, – сдался Кис, – чего торговаться, валяй.

Реми рассказывал, тщательно припоминая детали. Алексей не перебивал, только один раз спросил, не хочет ли Реми водки. Реми не хотел.

– Подобная история сама по себе у меня никаких сомнений не вызывает: убила, защищаясь, – итожил он. – Она могла приключиться где угодно, в любой стране. Но что-то в ней меня напрягает, что-то в ней звенит...

– В истории или в девушке?

– Не знаю, – признался Реми.

– Девушка фальшивит?

– Нет, в том-то и дело, что нет. Она очень естественна, непосредственна, ей хочется верить... И верится. Но не веришь глазам своим. От нее веет нетронутой чистотой, добротой, наивностью... Что часто встречается – ты согласен со мной? – у милых, но недалеких людей. Но она при этом умна! Слышал бы ты, сколько тонкости в суждениях, какая глубина!.. Может, это у вас в России существуют такие редкие экземпляры? Кто вас, русских, знает, у вас все как-то по-другому происходит. Во Франции о русских ходят легенды, все разные и все преувеличенные... Что бы ты подумал на моем месте?

– Я такие вещи, мой друг Реми, не думаю, а чувствую. И поскольку я почувствовать за тебя не могу, то не знаю, что тебе и сказать. Наивные девушки и у нас перевелись, особенно за последние годы...

– И в то же время она как-то странно равнодушна к совершенному ею убийству. Человек, убивающий впервые в жизни, обычно подавлен... А уж тем более такой юный и неопытный, как она... Что-то тут не вяжется! Может, она сумасшедшая? Душевнобольная? Не ведаешь, что творит?.. Нет, нет, не похоже.

– Ну, давай попробуем мозгами раскинуть. Так что насчет водки?

– Уговорил, снимем стресс. Только мне с тоником.

– Добро с тобой только переводить, с французом. В прошлый раз ведь чистую пил?

– Поэтому сегодня и прошу с тоником...

Кис убрал кипу газет и журналов со стола, аккуратно сложил какие-то вырезки в папочку, пристроил все это на широком подоконнике, ворча, что этим хозяйством обычно Ванька занимается, а вот, подлец, уже вторую неделю как пропадает; смахнул со стола обрезки бумаги и поставил стопку для себя и стакан для Реми. Принес с кухни запотевшую бутылку водки из морозильника, пузатую пластиковую бутылку тоника, в двух тарелках устроил закуску вперемешку – горсть чипсов соседствовала с соленым огурцом, нарезанным на толстые кружки, сыр притулился возле копченой колбасы, – и, жестом пригласив Реми к столу, Кис заговорил:

– Значит, как я понимаю, основной вопрос в том, врет девушка или не врет, правильно?

– А второй – если не врет, то тогда во что мы с ней влипли.

– погоди, до второго вопроса еще дойти надо... Значит, врет или не врет. Ты, с одной стороны, ей веришь, но что-то тебя смущает?

– Да в том-то и дело, что верю... Да и зачем ей было меня обманывать? Никакого смысла! У нее действительно беда, она убила – или считает, что убила, – какого-то мужика и просит помочь замести следы. Зачем меня водить за нос?

– Может, она просто мифоманка? У мифоманок часто бывает повышенно-честное выражение лица...

– У нее не повышенно-честное! У нее доверчивое, открытое, искреннее!

– Ты часом не влюбился? – осведомился Кис.

Реми промолчал.

– Ну-ну. Как я понимаю, сомнения у тебя по поводу доверчивой и искренней начались именно в квартире? Сбежавший труп, мытые чашки, чистая ваза, нетронутый кружочек в пыли – да? В показаниях не уверена, куда упал да как упал, где чего стояло – так? Значит, тогда

сформулируем вопрос таким образом: могла ли она привести тебя не в ту квартиру? И если да, то зачем?

– Не имею представления...

– Допустим, испугалась, что ты слишком сильно впутываешься в это дело, слишком конкретно... Это в ее планы не входило. Она тебя не знает, не доверяет до конца. И с ходу ведет тебя не туда, где совершилось убийство. Как тебе такой расклад?

– Туго. Я предложил ей конкретную помощь: ладно, отпечатки – могла бы и сама справиться, но я предложил ей вынести труп! Если она пришла ко мне – значит, больше не к кому было. И если она уклонилась от моей помощи – то как же она будет выкручиваться? Я ведь ей объяснил: тело не поднять в одиночку, тем более мертвое. Она должна была воспользоваться такой возможностью! Поверь мне, она умирала от страха в этой квартире! Нет, квартира та.

– Примем за рабочую версию. Значит, квартира – та, но трупа нет. И следов нет. Кто-то пришел после нее? Вынес труп, замел следы? Или труп – не труп, а прочухался и куда-то смылся? Может, в больницу потопал? Или «Скорую» вызвал?

– Она пульс пощупала, сердце послушала, даже веко подняла! Говорит – был мертв.

– Что она в этом понимает? Нагляделась, как это в кино делают! Она же не медик! Тоже мне, пульс пощупала! Надо уметь прослушивать пульс!

– Ты считаешь?.. Почему бы и нет... Она могла ошибиться! А мужик был просто без сознания!

– В таком случае вы сильно рискнули, пойдя в эту квартиру. Хозяин скорее всего уже на ногах: посудку прибрал... На вазе, говоришь, следов нет?

– Ни крови, ни вмятины.

– Слушай, друг мой Реми, не могла она насмерть угробить мужика, не помяв бок у вазы! Я знаю эти китайские вазы с медной провололочкой в керамике – они не бьются, а продавливаются! Не могла она не помять бок! Она тебе как сказала, крови было много?

– Нет, мало. Но она, кажется, ничего толком не помнит с перепугу. Кстати, я выковырял грязь из паркетных щелей в том месте, где он, по ее словам, упал. Можешь сделать анализ на кровь?

– Давай.

Реми протянул приятелю целлофановый пакетик, и Кис исчез в своем «офисе» на несколько минут.

– Ничего, – вернулся он. – Нет крови.

– Ну да, если было немного, запеклась в волосах...

– Короче, – заключил Кис, – не ломай себе голову. К счастью, эта твоя Ксюша никого не убила... Этот козел вонючий очухался. Девчонку насиловать, сволота! Они тут у нас совсем... – Кис поискал адекватное матерное ругательство на английском, успешно нашел и продолжил: – Им дензнаки карман жгут, чувствуют себя хозяевами всего и всех! В общем, так: если у нее возникнут неприятности с этим гадом, то скажи ей, чтобы обращалась ко мне.

– Кис, я как раз собирался тебя об этом попросить!

– Считаю, что попросил.

– Ты классный парень. Я еще прихватил еженедельник хозяина квартиры... Ксюша сказала мне, что там нет пометки о встрече с ней. Мне это показалось странным: обычно люди либо ведут еженедельник, либо нет. Но если ведут, то записывают в него все, не так ли?

Кис занялся изучением толстого, в черном кожаном переплете еженедельника. Минут пять спустя он оторвал свой взгляд от довольно плотно исписанных страниц и хмыкнул.

– Пометки о встрече с Ксюшей там действительно нет... Зато есть много чего другого, весьма любопытного. Ну и фрукт этот мужик, скажу я тебе! Пожалуй, с таким действительно опасно иметь дело!

Реми забеспокоился: что там написано?

– Ох, там много чего написано. Денежные суммы, причем крупные и в долларах, какие-то шифры, какие-то фамилии, большей частью закодированные, какие-то расчеты и подсчеты... Если эти суммы проходили через руки этого хмыря, то лучше бы ей с ним дела не иметь...

– Он действительно из мафии? – с почти детским ужасом спросил Реми.

– Ты так говоришь, будто у нас тут такая мафия, вроде итальянской – с крестным отцом, с круговой порукой... У нас, друг мой Реми, тут мафии! Вот так, во множественном числе: мафи-и. Это структуры, которые распространяются не горизонтально, семьями, как все остальные мафии мира, а вертикально – от уличных воришек до крупных политиков... Так что кто у нас не из мафии – тех легче сосчитать.

– Алексей... Знаешь что? Вызови мне, пожалуйста, такси, подъеду-ка я сейчас к тому дому...

– Что ты хочешь там увидеть?

– Горят ли окна.

– Второй час ночи, Реми. Человек может спать.

– В Москве многие ложатся поздно, я заметил. Столько окон горят за полночь – в Париже такого не увидишь... Понимаешь, если окна не горят – я ничего не узнаю. Но если вдруг свет есть – то я буду знать точно, что он жив.

– А дом найдешь?

– Бережковская набережная. Найду.

– Ладно, поехали. Не нужно такси, сейчас я свою тачку заведу. Здесь рядом.

Они ехали медленно, и Реми внимательно всматривался в темные громады зданий. Действительно, горело не так уж мало окон. Но окна, на которые наконец указал Реми, были темны.

«Нива» Киса остановилась напротив дома, на обочине тротуара, пролежавшего вдоль парапета набережной.

– Знал бы наверняка, что хозяина нет, – залез бы в квартиру, – задумчиво проговорил Кис. – Уж больно заинтриговал меня этот еженедельник... Но рискованно, вдруг он спит? Там какая система на подъезде?

– Домофон, – ответил Реми. – Или ключ.

– Эти замки обычно ерундовые, раз плюнуть открыть. погоди, я сейчас.

Он выбрался из машины и, запахивая поплотнее полы куртки, пошел к дверям подъезда. Наклонился к замку, посветил крошечным фонариком, висевшим на связке ключей, и поковылял обратно.

– Да, открывается элементарно... Надо будет подумать над этим делом, – сказал он, заводя машину. – Хотелось бы мне в этой хате покопаться...

– А мне хотелось бы узнать, жив мужик или нет.

– Впрочем, – развивал Кис свою мысль, – лучше не ввязываться. Темные там делишки... Это так, профессиональное любопытство разыгралось.

– Завтра я сюда приду, – сообщил Реми. – Погляжу на обстановку.

– Что ты тут углядишь? – возразил Кис, делая разворот.

– Видно будет, – упрямылся Реми. – Вдруг в окнах мелькнет кто-нибудь...

– Знаешь что? Я попробую по своим каналам навести справки об этом типе... Ксюша тебе не сказала, как его зовут?

– Я не спрашивал. Мне вроде бы незачем было.

– А ты с ней когда увидишься? Ты ведь собираешься с ней еще встретиться, не так ли? – усмехнулся Кис.

– Завтра вечером. А на еженедельнике нет его фамилии?

– В том-то и дело, что нет... Ладно, найду сам... Адрес есть, дело нетрудное. Попробую пронюхать, что это за фрукт такой. Я тебя в гостиницу везу? Или, хочешь, оставайся у меня ночевать, у меня есть свободная койка!

Реми, не желая обременять больного друга лишними хлопотами по извозу, согласился ночевать. Машина, едва не чиркнув боком по кустам, поехала в обратном направлении.

И никто из сидящих в машине не заметил, как стоящий в черноте кустов человек царапал вслепую на бумаге номер Кисовой машины.

Глава 3

Ксюше не спалось. Сердце билось. Ксюша вспоминала прощание у подъезда. Ксюша купалась в розовых мечтах. Ксюша ликовала.

Невероятно, но факт: Сашкин план удался! А ведь казалось бы – Сашка придумала полный бред, и Ксюша до последней минуты не верила в успех ее сумасшедшего замысла... Нет, не зря она доверилась Александре – сестра, как всегда, оказалась опытным и тонким психологом!

...На международный симпозиум частных детективов Ксюша, уже давно перестав сопротивляться, привычно потащила за старшей сестрой-журналисткой. В день открытия симпозиума Сашка, разумеется, помчалась брать интервью, строчить в блокноте, руководить фотографом, очаровывать, ловить на себе восхищенные взгляды, отвечать язвительными шуточками на комплименты, тихо пихать Ксюшу в бок, чтобы не забывала улыбаться, и смотреть таинственным взглядом в глаза представителей мужественной профессии, пить на банкете шампанское и следить, чтобы Ксюша невзначай не выпила много. Впрочем, для Ксюши «много» было все, что превосходило три глотка алкоголя...

Реми Ксюша заметила сразу – голубые глаза на загорелом лице, умное и слегка насмешливое выражение которого ей понравилось. Понравилось отстраненно, вовсе без всякой задней мысли, не для себя, а вообще – просто такая отметка: понравилось. Ну, пусть даже очень понравилось... и что с того? Когда он заговорил с ней, она почувствовала только знакомое желание сбегать поскорее. И так бы из этого «понравилось» ничего не получилось, если бы не Александра. Если бы она в тот же день вечером не заявила домой...

...В замке повернулся ключ, дверь распахнулась. «Э-эй! Я надеюсь, кто-нибудь есть дома?» – раздался ласково-требовательный голос.

Разумеется, Александра считает, что, если она уж в кои веки заехала навестить семью, пусть и без предварительного звонка, семья обязана непременно быть на месте, мысленно прокомментировала Ксюша и двинулась в прихожую навстречу старшей сестре.

Дверь шумно закрылась, звякнув валдайским колокольчиком. Простучали каблучки, хлопнул, закрываясь, зонт. Ксюша появилась на пороге прихожей и, обнимая мокрую от дождя сестру, подумала в очередной раз, что Сашка ухитряется свое появление – не только дома, а в любом месте – превратить в праздник и событие. Вот уже мама спешит с кухни, вытирая руки о передник. Мама у них маленькая, плотненькая, у нее розовые щеки и очки на маленьком носу, и ее уже поседевшие волосы вьются, как и во времена Ксюшиного далекого детства, шестимесячной завивкой. Она уже стряхивает мокрую Сашкину куртку из тончайшей темно-коричневой лайки, которую та царственно скинула с плеч, а в это время степенно появляется папа, тоже в очках, тоже седой, еще более седой, чем мама. Он невысок, худощав, на нем спортивные штаны и старый свитер, в руках газета, которую он читал в момент прихода Сашки. Папа с мамой чем-то неуловимо похожи – видимо, сказывается количество вместе прожитых лет, да и общность профессий: они оба преподаватели физики, только мама в школе, а папа в институте – студенческая любовь, вынесенная с физфака МГУ в далекие и жизнерадостные шестидесятые годы. С физфака была вынесена также Сашка, в самом прямом смысле, в мамин живот, с празднования диплома в роддом – молодые супруги немножко просчитались со сроками родов.

После появления на свет Александры программа деторождения в дружной семье физиков-лириков была приостановлена. Папа защищал диссертацию, сначала кандидатскую, потом докторскую, писал научные работы и статьи, повышался по службе, и только спустя десять лет он счел свою карьеру состоявшейся, достигнув положения замзавкафедрой. Потому что дальше он просто уже продвинуться не мог. Ему были не по зубам иные методы продвижения

по службе, кроме знаний и компетентности. А этого, увы, и в те, и во все времена мало, чтобы занимать посты. Нужно еще многое другое, нужна особая покладистость, дипломатичность, умение себя выгодно представить...

Впрочем, на эту тему лучше поговорить с Сашкой: во всей семье она единственный человек, который знает, что и как нужно. И не только это знает, но и *умеет*. А Ксюша – в родителей. Она ребенок поздний и балованный, тепличный. Только посмотреть в ее круглые карие глаза, как становится сразу ясно: наивняк. Даже ей самой ясно. И имя у нее подходящее: сю-сю, Ксю-ю-ю-ша. То ли дело Александра: звучит гордо, благородно. Впрочем, она тоже не просто так, она на самом деле – Ксения. Но ее никто так не называет. Называют – Ксю-ю-ша...

Учится Ксюша, как и Сашка когда-то, на журфаке. Только Сашка сделала блистательную карьеру в годы перестройки, она теперь одна из ведущих журналистов, по которым другие определяют моду, политический климат и интеллектуальную погоду. А Ксюше, говорит ее старшая сестрица, с такой наивностью нечего делать в журналистике, разве что вести раздел «Рукоделие» в каком-нибудь дамском журнале...

Пока Ксюша обо всем этом размышляет, созерцая свое семейство, Сашка уже сидит в кресле, болтая ногой, и щебечет, пересыпая свою речь известнейшими именами, которые ей звонили, приглашали, были у нее дома, встречались на выставке, на презентации, на коктейле... Светская жизнь, одним словом, в которой Ксюша частично и вынужденно участвует.

Сашка красивая. Так, строго говоря, может, и не очень, но очень эффектная. Она высокая и тонкая, у нее короткая стрижка, точеная мальчишковая головка, темные, как у всех в семье, глаза, только если в Ксюшиных круглых читается сразу же наив, то в ее миндалевидных – тайна и непроницаемость. У нее довольно большой рот с пухлыми, чуть потрескавшимися на ненастье губами и саркастической складкой возле уголков. От нее пахнет потрясающими духами, на ней неброские и дорогие вещи, на ее крупных и красивых руках нет ни лака, ни особых украшений, если не считать единственного кольца с рубином, который ей подарила бабушка, когда она еще была жива и когда Сашка была выпускницей школы. Обручального кольца нет – Александра замуж выходить не желает. Хотя ей уже 32 года. Правда, ей никогда не дашь больше двадцати пяти... Замуж ее звали, и не раз, и видные люди звали. А она не идет. Неизвестно почему – Сашка о своей личной жизни ничего не рассказывает в отличие от светской. Наверное, ждет своего «единственного», своего принца. Ишь, принцесса. И ведь дождется! У Александры все всегда получается.

Не то что у Ксюши. Как говорит ее старшая сестра, Ксения – тетеха и неумеха.

Выждав момент, когда родители занялись приготовлением чая, Александра посмотрела на Ксюшу с видом политического заговорщика:

– Ну, и как тебе?

– Что? – не поняла та.

– Ну, у детективов.

– А!.. Хорошо.

– Что значит – «хорошо»? – возмутилась Сашка. – Там столько отменных мужиков было! Я тебя туда зачем потащила, спрашивается? Неужели ты ни с кем не познакомилась? Ксения, тебе двадцать один год! И у тебя до сих пор нет мужчины! Не станем же мы, право, считать за мужчину то, что у тебя было! Я тебя официально предупреждаю, Ксения, – ты помрешь старой девой, если будешь себя так вести!

– Ты это уже говорила раз сто...

– И говорю в сто первый! Я тебя вывожу в люди, чтобы ты знакомилась! А ты – дикарка, которая умирает от страха при виде каждой брючной пары...

– Ну почему, я познакомилась... – слабо попыталась защититься Ксюша.

Александра немедленно заинтересовалась:

- И с кем?
- С одним французом...
- С каким? Их там четверо было!
- С... Такой шатен... Голубоглазый... Лет под тридцать...
- Как зовут?

Ксения смешалась. Александра, пытливо глянув в лицо сестре, расхохоталась:

- И это ты называешь «познакомиться»? Ты даже не знаешь, как его зовут!
- Знаю! Его зовут Реми!
- Представился? – живо заинтересовалась сестрица.

– Нет, я слышала...

– Ха! Ха! Ха! О чем же ты с ним говорила, несчастная?

– Он спросил, не знаю ли я, кто здесь отвечает за организацию. А я ему сказала, что не знаю...

– И все?!

– Ну, еще он мне пояснил, что хотел бы узнать, почему он не встретил на этой конференции одного своего русского знакомого...

– И это все?!!

Ксюша пожала плечами. В конце концов, что она должна была делать? Кидаться на шею этому парню и кричать, что он душа и ей нравится?

Александра горестно качала головой минут пять. После чего, вздохнув, спросила:

– Ну и как, он тебе понравился?

Ксюша кивнула.

– А еще кто-нибудь понравился?

– Не знаю. Не разглядела.

– Ну ты даешь! – фыркнула Саша. – Полторы сотни мужиков, и она сумела разглядеть за несколько часов только одного из них! Куда же ты смотрела, моя милая?

– На француза, – смутилась Ксюша. – У него такая морда приятная... Умная. Но знаешь, без пижонства, без такой скучающей маски, как у наших интеллектуалов, типа: «я умный, а вы дураки»... Ты понимаешь, о чем я?

– Красивый?

– Вполне..

– На мужика похож?

Ксюша закатила глаза – так похож!

– Тогда будем брать француза.

Ох, в этом вся Сашка! «Брать» – видели вы такое? Вот только как это она собирается «брать» незнакомого мужчину? Сашка болтала ногой, и на лице у нее отражалась работа мысли.

Наболтавшись ногой вдоволь, она ушла болтать к телефону. Вернулась минут через десять и сообщила:

– Его зовут Реми Деллье. Он пробудет в Москве до субботы, сегодня у нас понедельник... У тебя есть четыре дня, поняла, Ксения? И за эти четыре дня ты должна с ним познакомиться и прочно заинтересовать его собой!

– Отличный план. Ну просто без изъяна! И времени навалом. Ты только забыла сказать, как я это должна сделать! «Здравствуйте, господин француз, я вас не знаю и вообще ничего о вас не знаю, но вы мне очень понравились, и поэтому давайте скорее знакомиться и начинать роман, а то у нас всего четыре дня, и Сашка рассердится, если я не успею», – так, что ли?

– Ох, Ксения, до чего же ты глупа! Ну кому нужны твои излияния? Зачем ему знать, что он тебе нравится? Это бесперспективный ход! Мужчина должен сам неожиданно почувствовать, что ты ему нравишься, что ты его привлекаешь, притягиваешь...

– Да как же он может почувствовать, если у меня нет даже никакой возможности с ним встретиться?

– Ну, это-то дело нехитрое, я узнала расписание их мероприятий, и твоего француза можно легко разыскать... Вот, смотри, – Сашка углубилась в чтение листочка, записанного под диктовку по телефону, – завтра у них конференция кончается в четыре...

– И что? Ну, разыскала, положим. А дальше? Что я ему, по-твоему, должна сказать?

Сашка молчала, скептически разглядывая младшую сестру.

– Да... – промолвила она наконец. – С такой внешностью...

Ксюша расстроилась. Ну вот, опять! Сашка вечно критикует ее! То она старомодная, то она провинциальная...

– Может, мне сделать стрижку, как у тебя?

Саша обошла Ксюшу.

– Нет, – заключила она. – Косы – это в наше время очень оригинально. И потом, не забывай, мужчины любят длинные волосы. Раз уж отрастила такие волосищи – нет смысла их отрезать, мучайся дальше мыть-чесать...

– Тогда что тебя не устраивает?

– Вид твой наивный. В тебе загадки нет, ты вся как на ладони, слишком простодушна. И стержности не хватает. Мужчины любят стерж, запомни это! Ты думаешь, отчего это секс-символ нашего времени – Шарон Стоун? Не так уж она и хороша, ничего особенного, подумаешь, вполне рядовая физиономия, стандарт! А все дело в том, что она сыграла в «Основном инстинкте»! Она в моде, потому что она убийца! Хорошие, добрые девочки вроде тебя – скучны до отвращения. «Но нынче все умы в тумане, мораль на нас наводит сон, порок любезен, и в романе – и там уж торжествует он»! Скоро уже два века будет, как народу «порок любезен»! А ты все никак не просечешь.

– Ну не могу же я, Саша, в самом деле сделаться убийцей, чтобы заинтересовывать собой мужчин!

– В самом деле – не можешь. А вот прикинуться...

И она снова задумалась.

– Чай готов, девочки! Идите сюда! – донеслось с кухни.

– Сейчас! – откликнулась Ксюша.

– Ты пойми, – снова заговорила Александра, – быть хорошей девочкой – этого мало, чтобы привлекать к себе внимание. И даже быть хорошенькой – мало. На рынке выигрывает не тот товар, который лучше, – на рынке выигрывает тот товар, у которого *реклама* лучше! Реклама, подача, презентация! Такая, которая точнее схватывает психологические особенности покупателя на данный момент общественного развития... Ты следишь за моей мыслью?

– Товар – это я, покупатель – это мужчина, а реклама – это... Что? Быть стервой? Именно это соответствует «психологическим особенностям покупателя»?

Сашка не ответила, глядя на Ксюшу исподлобья, задумавшись. За ней водился такой взгляд: опустив голову, она поднимала сосредоточенный взгляд, фиксирующий некий предмет. И если этот предмет оказывался ее собеседником, то предмет начинал ерзать и чувствовать себя не в своей тарелке. Но Ксюша привыкла к причудам сестры и только поинтересовалась:

– Эй! Кто-нибудь есть дома?

С кухни снова долетело: «Девочки, где вы? Чай стынет!»

– Даже хорошо, в конечном итоге, – прорезалась Сашка. – Даже еще лучше! Твоя коса, твои наивные глаза создадут контраст. А чем сильнее контраст, тем больше он вызывает интереса, интригует... Да, именно!

- А с чем будут контрастировать мои глаза и коса? – поинтересовалась Ксюша.
- С душой убийцы.

Ксюша покрутила пальцем у виска и отправилась на кухню пить чай. Александра не замедлила появиться следом. Молча прихлебывая горячий чай, она не принимала участия в общем разговоре и сидела с отсутствующим выражением.

- Что ты, Сашенька? – участливо спросила мама. – У тебя все ли в порядке?

– У меня, мамочка, не только все в порядке, у меня все потрясающе отлично! – отозвалась Сашка. – Просто я статью сочиняю.

Что верно, то верно – у Сашки всегда такой вид, когда в ее уме разворачивается план и складываются фразы. Но сейчас – Ксюша была уверена – у Сашки в голове складывался другой план: план захвата француза, в котором Ксюше отведена роль Шарон Стоун.

И она не ошиблась. Потому что, едва закончив пить чай, Александра звонко опустила чашку на блюдце и потянула Ксению за рукав.

- Пойдем, пойдем. Мне надо тебе кое-что сказать.

Едва они очутились в комнате одни, Саша заговорила, понизив голос:

– Ты придешь к нему просить помощи! Ты скажешь, что убила человека и просишь его помочь тебе замести следы! Потому что – объяснишь ты – ты не можешь обратиться с такой просьбой к русскому детективу: они все обязаны сообщать о преступлениях в милицию. А он – француз! И он – не обязан!

Ксюша помотала головой. Нет, Сашка просто сошла с ума! Надо же такое придумать!

– Ничего не получится, Саша. Я не смогу это сделать. Я на это не способна. Ни на убийство, ни на такой спектакль!

– Получится, еще как получится! Я же не прошу тебя убивать кого-нибудь, а спектакль – ты сыграешь, вот увидишь! В конце концов, тебе не приходило в голову, что умение играть – это часть твоей будущей профессии? Какой из тебя журналист, если ты не можешь подобрать ключ к собеседнику? А собеседники у тебя будут разные, и ключи придется подбирать разные – и потому актерский талант совершенно необходим журналисту...

Что и говорить, когда Сашка рассуждала о профессии, ей можно было верить на все сто – она своей личной журналистской карьерой доказала это. Ксюше сразу стало стыдно за свой непрофессионализм.

- Ну, и как ты себе это представляешь? – неохотно сдавала она позиции.

– Значит, так: приходишь, глаза огромные, серьезные и загадочные. Коса... Нет, лучше распусти! Так женственней, сексуальней, мужики сходят с ума от длинных волос! Объясняешь: я к вам пришла... чего же боле... что я могу еще сказать... В общем, письмо Татьяны к Онегину помнишь? Примерно в таком духе. Мне нужен совет... Я попала в такую ситуацию... Мне не к кому больше обратиться... «Теперь, я знаю, в вашей воле меня презреньем наказать»... – Александра плавно водила по воздуху кистью своей красивой руки, будто дирижер в такт будущим Ксюшиным словам, которые она произносила с драматическим завыванием. – Вы здесь чужой, вы никакими обязательствами не связаны, вы можете мне помочь... Потому что только к вам я могу... только вам я могу рассказать... «А вы, к моей несчастной доле хоть каплю жалости храня, – вы не оставите меня...»

И здесь ты р-раз – и замолчала! Молчишь, молчишь, молчишь и смотришь на него. Он тоже молчит. Ждет продолжения. Но ты настойчиво молчишь, и глаза твои – желательно – наполняются слезами. Тут он не выдерживает. Он спрашивает: так что у вас стряслось? Тогда ты вдруг выкрикиваешь: ничего! Ничего я вам не скажу! И убегаешь. Он тебя догоняет и...

Не выдержала пока что Ксюша. Ксюша ее перебила:

– Как это у тебя все получается здорово! Только с чего ты взяла, что именно так и будет? Почему это он меня спросит, что со мной, и почему он должен броситься за мной вдогонку?

– Объясняю, – сказала Саша с жалостью. – Для умственно отсталых специальный выпуск. Значит, так: он тебя непременно спросит, потому что в затянувшейся паузе всегда кто-то нарушает молчание первым... и если это не ты, то это – методом исключения – он. Понятно?

– Понятно...

– Далее, он побежит за тобой, потому что ты будешь убегать. Ты убегаешь – мужчина догоняет, понятно?

– Нет.

– Мужчина всегда догоняет убегающего, у него такой инстинкт. Охотника.

– А вдруг у него нет такого инстинкта?

– Тогда он не мужчина.

– А что мне тогда делать?

– Тогда он тебе не нужен.

– А-а... А может, лучше ему все сразу объяснить? Может, не надо убегать и ждать, что он за мной побежит?

– Надо! Так ты интересней. Слушай внимательно и по возможности запоминай на будущее. Пункт первый: когда ты что-то недоговариваешь, то возникает загадка, интригующая тайна. А тайну всегда хочется *раскрыть*. Пункт второй: ты в нем уже вызвала какую-то жалость, сочувствие, желание помочь и...

– Почему?

– Что? – опешила Сашка.

Ксюша почувствовала себя действительно идиоткой, поскольку старшая сестра даже не поняла ее вопроса.

– Почему я уже вызвала желание помочь? – пояснила она.

Саша потерла губу об губу, будто помаду растирала. Посмотрела на Ксюшу внимательно.

– Ты прикидываешься? – поинтересовалась она.

– Нет. Хочу быть уверенной, что я все правильно понимаю, – выкрутилась младшая сестра с достоинством.

– А-а-а... Ладно, значит: хорошенькая девушка с круглыми наивными глазами приходит и лепечет, что только он может помочь... И слезы на глазах... Какой мужчина может устоять?

– Ясно. Значит, я уже вызвала желание помочь, а тут еще и интригующая тайна. Да?

– Да. Далее, когда ты якобы решила ничего не говорить и стала убегать, в этой композиции из эмоций возникает еще один компонент...

– Инстинкт охотника...

– Верно, но не только. В этом жесте есть еще и твое отчаяние, которое его пугает! Он уже боится за тебя, потому что уже немножко почувствовал свою ответственность за тебя, за что-то, что может с тобой случиться: ведь ты пришла – к нему! Ты явно сделала какую-то глупость и, похоже, собираешься сделать другую, еще большую. Надо тебя спасти! Женская глупость – это ядерное оружие. Против него не устоит ни один мужик. Это фон, на котором он полноценно реализуется как мужчина, и в эту ловушку попадает любой представитель сильного пола. Тут он умный, сильный, защитник и спаситель. Как же ему за тобой не побежать?

– С тобой все становится так ясно, как в математике. Я думала, что человеческие отношения непредсказуемы.

– Ну, отчасти непредсказуемы...

– Утешила. А то было бы очень скучно.

– Романтичная ты моя! А не уметь ни с кем выстроить отношения – весело?

Уела. Прямо в больное место, зараза.

– Ладно, давай дальше «выстраивать», – смирилась Ксюша. – Значит, он за мной побежит. И меня вернет. И скажет: расскажите мне, что там у вас случилось. Так?

– Примерно, – одобрила Александра.

- И что же я буду ему рассказывать?
- Скажешь, что сама не понимаешь, как это произошло, но только ты убила... мм-м...
- Своего любовника?
- Нет, это перебор. Ты же не Шарон Стоун, в конце концов!
- Спасибо за комплимент. Тогда просто ухажера?
- Да! Он был слишком навязчив, он тебе не нравился, он полез к тебе... и тут на тебя что-то нашло необъяснимое, ты схватила нож и... Или лучше что-нибудь тяжелое – и...
- Саш, а такое вообще бывает? По-моему, такие персонажи водятся только в кино. Или в психушке. Он мне не поверит!
- Слыхала: «чужая душа – потемки»? Вот, не забывай: люди и себя-то не знают толком, а уж на что способен другой – никто и представить не может! Потому допускает, что другой способен – на все! К тому же твои глаза вызывают доверие. Только глянешь, сразу понимаешь: эта – не соврет.
- Даже когда я вру?
- А ты что, врешь когда-нибудь? – снисходительно поинтересовалась Сашка.
- Ксюша обиженно пожала плечами: вот, дожили, теперь и правдивость – недостаток!
- Короче, – продолжала Александра, – ты ему все это расскажешь и попросишь совета: как, мол, скрыть следы преступления? Он начнет тебе объяснять про отпечатки, про следы крови, то стереть, се отмыть... Ну а дальше все само образуется. Будь я не я, если он тобой не заинтересуется! В тот же день свидание назначит!
- А вдруг я у него не вызову сочувствия? Вдруг он мне скажет, что не хочет иметь дела с преступницей и убийцей?
- Ксюша! Ты меня приводишь в отчаяние! Ну, если бы ты была похожа на крокодила – тогда сказал бы! Но у тебя же глаза как блюдца, но у тебя же волосы до попы! Ты молодая, стройная, хорошенькая девушка! Как же он может такое сказать?
- Значит, он мне посочувствует только потому, что я хорошенькая?
- А что ты хочешь, Ксения? Мир устроен до удивления несправедливо. Ты тоже не на инвалидов засматриваешься, верно? То-то и оно... Главное, напирай на то, что ты сама не понимаешь, как ты могла это сделать. Что на тебя нашло. И что ты очень переживаешь из-за этого! Именно такая версия великолепно соответствует твоей внешности. Он поверит! И увидишь – посочувствует! Скажешь, что вся жизнь твоя рухнет теперь, если кто-нибудь узнает, что это ты его убила. Тогда суд и тюрьма, а русская тюрьма – это, если вам приходилось слышать в вашей Франции, хуже смертной казни...
- Знаешь, лучше я скажу, что мужик этот пытался меня изнасиловать. А то я что-то никак не могу представить, как это я убиваю человека из-за того, что он мне не понравился! Да Реми мне и не поверит.
- Слушай, в «Основном инстинкте» Шарон Стоун вообще убивает тех, кто ей нравится! И все ей верят!
- Как ты тонко заметила, я не Стоун и не ее персонаж из кино, – твердо сказала Ксюша. – Я скажу, что меня пытались изнасиловать. И я убила человека, защищаясь.
- Ага, а чего ж ты тогда в милицию не обратилась? Правомерная защита! Зачем тебе скрывать подобное преступление и просить помощи у частного детектива в уничтожении следов?
- Александра скептически подняла брови, всем своим видом давая понять, что Ксюше лучше было бы не возникать со своими версиями поперек старшей и умной сестры.
- Ксюша долго обиженно смотрела на Александру и вдруг воскликнула обрадованно:
- Идея! Я объясню, что этот человек имел большие связи, из мира большого бизнеса, а большой бизнес – это бизнес криминальный, и наша коррумпированная милиция на пару с коррумпированным судом меня не смогут защитить от мести его поделельников...

Сашка даже открыла рот – настолько ей понравился сюжетный поворот, предложенный сестренкой.

– Смотри-ка, твоя голова иногда варит кое-что употребимое... И тогда твой француз почувствует себя чуть ли не правозащитником! Это придаст его жесту еще и политический оттенок! Ему почудится, что он чуть ли не вступил в борьбу с русской мафией! Это гениально, Ксюша!

Ксюша была польщена. Оставалось только непонятным, почему это Саша так уверена, как именно почувствует себя Реми. Но спрашивать у сестры бесполезно: Сашка убеждена, что она крутой знаток человеческой психологии.

Что, в общем-то, не так уж далеко от истины.

– Саш, надо придумать, что за человек-то был. Ну, которого я как бы убила... Возраст там, лицо...

– Зачем?

– А вдруг он спросит?

– Какая ему разница? В крайнем случае опиши что-нибудь такое средненькое, без особых примет.

– Саш, а вдруг он начнет спрашивать, какая квартира да где?

– Господи, да сочини что-нибудь! Однокомнатная в Бибиреве, окно слева, дверь справа – что, квартир никогда не видела?

– А если он захочет ее осмотреть?

– Сразу видно, Ксения, что ты врать не умеешь.

– ?

– Слишком хорошо готовишься. Успокойся, ввязываться в это дело он не станет. На фига ему это – в чужой стране совать свой нос в какие-то приключения? Нет, он просто тебя проинструктирует, тем более что ничего сложного в этом нет: стереть отпечатки и другие следы – это даже я могу тебе рассказать! Не дрейфь, Ксения, так далеко человеческая благотворительность не простирается.

За разговором последовал тщательный подбор костюма – Ксюше перепал Сашкин костюм из тонкой бежевой шерсти, – обсуждение прически, макияжа, поведения, голоса, взгляда... «Брать француза» было решено на следующий же день, по окончании конференции.

Поначалу все пошло как по маслу. Сашкин план не подвел, все случилось в точности так, как она предсказывала. К тому же Ксюша до такой степени нервничала и трусила, что у нее не на шутку прерывалось дыхание и с легкостью появлялись слезы на глазах, и, глядя на нее, любой непосвященный решил бы, что у этой девочки случилось что-то ужасное.

Осечка вышла лишь тогда, когда Реми предложил свою помощь в выносе никогда не существовавшего трупа из никогда не существовавшей квартиры.

Ксюша бросилась звонить Александре. Счастье, что у сестры есть мобильный, иначе бы ее никогда не сыскать в городе!

– Саша, – взмолилась Ксюша, – он хочет ехать на квартиру выносить труп! Умоляю, придумай что-нибудь!

Александра не на шутку растерялась. Перебрала все возможные отговорки, но ни одна из них не убедила Ксюшу: было совершенно ясно, что Реми заподозрит, что его обманывают, и тогда из их с Сашкой затеи ничего не получится... А Ксюше, ободренной успешным началом, очень хотелось, чтобы получилось.

– Саша, – ныла она, – у тебя же есть знакомые, которые сдают квартиры! Ну, подумай, у кого квартира свободна сейчас?

– Не знаю, – бормотала Александра, – понятия не имею.

– Вера сдает! Андрюша сдает! Витек сдает! – настаивала Ксюша. – Может, сейчас там никого нет? Надо же мне Реми куда-то привезти!

– Не знаю, – опять бормотала старшая сестра. – И потом, свободная квартира тебя не спасет: если там никто не живет, если там нет вещей и вообще следов присутствия человека – он тебе ни за что не поверит!

– Что же делать? – в отчаянии прошептала Ксюша. – Что же мне делать?!

Александра молчала, раздумывая.

– Ой, послушай, – вдруг радостно заговорила Ксюша, – все очень просто! Я его куда-нибудь привезу – а войти-то мы не сможем! Ключей же у меня не должно быть, правильно? Так что я перед подъездом спохвачусь и...

– Если он действительно детектив, то он войдет в любую дверь, – мрачно сообщила Александра. – Иначе грош ему цена.

– Ну так помоги же мне! Это, в конце концов, твоя идея! Я же тебе говорила, что нужно запастись квартирой! И это ты меня заверила, что она не понадобится! Вот – понадобилась, я была права! Теперь надо выкручиваться!

– А что тебе это даст? Труп-то там нет!

– Я сделаю удивленное лицо: труп сбежал! Так даже интересней! Получается настоящий детектив!

Сашка помолчала.

– Эй! – позвала ее Ксюша. – Ты куда делась?

– Думаю. У Веры стоит пустая – сдает слишком дорого, пока никого не нашла. У Вити жильцы есть, но там, кажется, семья с ребенком – он недавно жаловался, что, поганец, обои исписал фломастером... А у Андрюшки... Был у него кто-то, но не знаю, как там сейчас... Перезвони мне через пять минут.

Ксюша перезвонила. Оказалось, что квартира Андрея сдается одинокому мужчине, но жилец сейчас в отъезде – то, что надо! Так что если уж детектив всепронзительной, добавила Александра, то он может попытаться счастья и управиться с тремя замками...

Александра дала адрес, описала дом, подъезд, квартиру и, сообщив, что не нравится ей все это, мрачно пожелала сестре успеха.

В чужой квартире Ксюшу охватил такой необъяснимый ужас, как будто она и вправду ожидала увидеть на полу мертвое тело. Никакого трупа, разумеется, там не было – и быть не могло. Зато все остальное оказалось в наличии: и ваза, и чашки, и рюмки – все то, что можно найти в любой квартире.

В какой-то момент Реми, похоже, засомневался – что ж, его можно понять, она бы тоже засомневалась на его месте! Ее везде подстерегала опасность, ей постоянно приходилось придумывать на ходу объяснения. Где стоял ликер? Откуда же ей знать! Выкрутилась: не видела, пили на кухне, а хозяин принес из комнаты. И, к счастью, ликер нашелся! Куда упало тело? Вон туда упало... А Реми ей в ответ про ковер! Срочно менять ситуацию: нет, головой туда... А как это ей удалось дядьку по голове стукнуть? Бог мой, как-как! Ну, примерно так... Он наклонился... А зачем наклонился? И так без конца.

Особенно сильно Ксюша сдрейфила, когда он попросил описать мужчину. Средний, во всех отношениях средний! – наставляла ее Сашка на случай, если детектив спросит. Она так и ответила. Но, кажется, переиграла: в глазах француза было недоверие. Требовалась для разбавки деталь – яркая, запоминающаяся деталь! – и Ксюша судорожно искала в своей памяти что-нибудь подходящее. И вспомнила! В аэропорту, когда они с Александрой улетали в Рим (у сестры была командировка, и она взяла Ксюшу с собой «на мир посмотреть»), выходя из туалета, Ксюша заметила одного типа... Вернее, она не его заметила, а перстень. Он ярко сверкнул в лучах солнца, щедро струившихся через стеклянные стены, и Ксюша аж замерла: никогда не видела таких крупных синих камней, такого блеска, да еще на мужском пальце! Мазнув глазами по загорелому, ухоженному лицу мужчины, который уже стал коситься в ее сторону, она пошла дальше, заметив краем глаза, что тот поднялся после объявления рейса на Лугано.

Помнится, Ксюша еще тогда заключила: швейцарец, стало быть... Так он и запомнился ей, по контрасту: невыразительная, ничем не примечательная внешность – и такой запоминающийся перстень! Вот это воспоминание ее и спасло. Ксюша окольцевала тем перстнем свой несуществующий труп.

Кажется, в конечном итоге Реми ей поверил. И вся эта невероятная история со сбежавшим трупом стала ему казаться правдоподобной. Он всерьез озадачился, забеспокоился и в результате заинтересовался Ксюшей даже еще больше! И вот теперь они встречаются! Завтра они поедут гулять на Красную площадь, потом в ресторан, послезавтра Ксюша покажет ему Поклонную гору, потом опять в ресторан, послепослезавтра они снова куда-нибудь поедут и снова будут ужинать вместе... И снова прощаться у ее подъезда... Он будет греть ее руки, он будет ее целовать... осторожно и мягко забирая ее замерзшие губы в свои...

Ксюша жмурилась в темноте от удовольствия. От Реми так хорошо пахнет! Пахнет потрясающим парфюмом и – мужчиной. Тот однокурсник, с которым у нее когда-то был роман, пах какой-то неопределенной свежестью, лишенной половых признаков. А Реми пахнет мужчиной – зрелым, сильным, нежным. Она раньше не знала, как это важно в отношениях между мужчиной и женщиной – запах...

Кажется, она влюблена. Да и как можно не влюбиться в такого – красивого, умного, большого, сильного! А он... Наверное, он тоже... Как он на нее смотрит! Как он ныряет в ее волосы, вдыхает их запах, говорит, что хотел бы там жить!.. Вот как бывает: не знала, не ведала, что встретится с ним. И, честно говоря, если бы не Александра, так ничего и не было бы... Спасибо сестрице!

Хотя неловкость от разыгранной сцены мучила Ксюшу. Она даже покраснела в темноте. Никогда в жизни она столько не врала! Каждый, вернее, каждая кладет на завоевание мужчины то, что может. Ксюша положила к ногам Реми целую гору вранья...

Ну да ладно, чего об этом думать? Все позади, как страшный сон! Впереди только счастье! Он, конечно, скоро уедет, но пригласит ее в гости на Рождество...

Но... А вдруг? С глаз долой – из сердца вон?.. А вдруг у него в Париже кто-то есть? А вдруг появится до ее приезда?..

Ксюша металась, мысли мешались, волосы путались на подушке, сердце билось. Не спалось.

Глава 4

...В четверг к вечеру Кис уже знал, кому принадлежит квартира на Бережковской набережной. Андрей Зубков, тридцать три года, бизнесмен. Не женат. К суду не привлекался. Ничего за ним нет.

Эта информация Киса насторожила. Ведь, если память ему не изменяет, по словам Реми, выходило, что мужчине было около пятидесяти!

И как это прикажете понимать?

В четверг к вечеру человек, прятавшийся ночью в кустах у дома на набережной, уже знал, кому принадлежит песочного цвета «Нива».

Она принадлежала частному детективу Алексею Кисанову, проживающему на Смоленке.

Оставалось непонятным, какого черта он приперся ночью к дому на набережной? К тому же не один – в его машине кто-то сидел. Кажется, мужчина. Личность не удалось установить.

Но это всего лишь дело времени.

В четверг к вечеру Реми убедился, что Ксения рассказала ему чистую правду. Что-то она, конечно, недоговаривала... Но он ведь и не спрашивал, правильно? Она рассказала ему то, что считала нужным. Они едва знакомы, и почему она, собственно, должна?.. Она к нему как к детективу обратилась, а не как к исповеднику! А у него, у Реми, из-за этого совершенно естественно возникли какие-то неувязочки.

Но в целом ее рассказ был правдой. Увиденная в четверг вечером сцена принесла тому несомненные доказательства...

И испугала.

...До встречи с Ксюшей у него был свободный час, то есть их было два, но вычесь побриться, вычесь переодеться, вычесь поймать тачку и заехать за Ксюшей – получалось час. И этот час Реми решил посвятить небольшой экскурсии к дому на набережной. Понаблюдать за окнами, понюхать обстановку. Он не искал и не ожидал увидеть ничего конкретного, но практика расследования его приучила не пренебрегать наблюдением, особенно в тех случаях, когда не знаешь, с чего начать.

Хорошая привычка (одна из, разумеется!) оправдалась и на этот раз. Скучно пронаблюдая в течение почти сорока минут редких входящих и выходящих из подъезда людей, два окна на втором этаже, в которых никто не появлялся и не зажегся в ранних сумерках свет, он собрался уже было уезжать, как увидел худого чернявого парня, выходящего из подъезда. В этом не было, конечно, ничего необычного, кроме того, что он вошел в этот подъезд всего лишь минут десять назад. Выйдя, парень никуда не направился, а, прикуриив, остался стоять у входа, словно кого-то поджидая. Скорей всего он не застал дома кого-то из знакомых и решил подождать...

Реми тоже стал поджидать. Прошло еще минут двенадцать, прежде чем у подъезда оказалась пожилая толстая женщина в зеленом пальто с большой сумкой. Парень заговорил с ней. Женщина поставила сумку на землю, что-то переспросила и покачала головой. Затем снова заговорила, размахивая руками, – слов Реми не понимал, да и слышать не мог, но один жест понял: соседка обвела руками свою голову и потом провела ребром ладони по бедру... Реми этот жест понял таким образом: вот такой берет, а из-под него – вот такой длины волосы...

Это было, несомненно, описание Ксюши.

Парень покивал, спросил еще что-то, но соседка пожалала плечами, после чего чернявый торпливо покинул ее.

Реми велел таксисту ехать за ним, но был вскорости вынужден оставить эту затею, поскольку парень исчез в метро.

Итак, кто-то интересуется Ксюшей? Как могла соседка ее заметить? Когда? Тогда ли, когда Ксюша приходила смотреть квартиру и сбежала, оставив там труп ее владельца? Или в тот день, когда они приходили вместе? Ксюша выносила мусор... Он, конечно, предварительно выглянул и окинул взглядом пустынную лестницу, но ведь в дверях есть «глазки»... Впрочем, сейчас это уже не так важно. Важно лишь то, что кто-то ее уже разыскивает...

Плохо это. Нужно будет с Алексеем переговорить.

... Весь вечер Реми продолжал успешно начатое накануне дело по терянью головы. Он удивленно смотрел на миловидное Ксюшино лицо и пытался понять, что же его так приворожило. Можно, конечно, объяснить это тем, что Ксения весьма хороша собой, что она интересный собеседник – умна, образованна, с милым, легким юмором... Только на самом деле это не объясняло ничего. Суть была в чем-то другом...

Но определение ускользало от Реми. Он привык видеть в женщинах довольно откровенное желание понравиться, произвести наивыгоднейшее впечатление, продемонстрировать свои женские достоинства, переиграть реальных и потенциальных соперниц при помощи набора явных и неявных колкостей и уловок – короче, завоевать мужчину всеми средствами. Что, в общем-то, Реми всегда нравилось... Или – при ближайшем рассмотрении – что ему всегда льстило и на что он неизменно покупался.

Однако в Ксении вовсе не было этого духа завоевания и соперничества, не ощущалось ни малейших усилий произвести впечатление. Напротив, в этой девушке было какое-то хрупкое, ненавязчивое обаяние, которое он сравнил бы с ароматом духов, легко коснувшимся лица, как дорогое, нежное воспоминание... Слова, которыми он привык выражать свое отношение к понравившейся женщине, грубые мужские слова, употребляемые в мужской компании, – эти слова не могли бы быть произнесены в отношении Ксюши даже мысленно. Он испытывал к ней неодолимую, оплавляющую его нежность – хотелось сгрести ее в охапку, прижать к себе покрепче, закрыть глаза и вдыхать яблочный запах волос, свежих щек, тереться своей колючей скулой, быстро зараставшей щетиной, о нежную персиковую кожу; он хотел пить тепло ее тела, которое шло из-под двух расстегнутых верхних пуговиц платья, и думать – это принадлежит мне. Хотелось озарять свое утро теплым радостным взглядом этих глаз, хотелось заканчивать день прикосновением к ее коже, волосам, губам, погружением в этот чистый источник счастья... Вот, вот оно, слово: от Ксюши веяло счастьем. Словно она носила в себе чистое, прозрачное озерко счастья, и безудержно манило в него войти, напиться, окунуться... Это было бы высшим мигмом блаженства, и дальше его воображение не хотело идти, потому что можно было все только испортить всякими «дальше».

Реми даже усомнился на какое-то время в здравости своего ума. Ему даже подумалось, что он стареет, что его на девочек потянуло, что детская свежесть и невинность сводят его с ума... Раздираемый беспокойством, он особенно остро чувствовал трепетную власть ее обаяния и ненадежную хрупкость их едва начавшихся отношений, над которыми нависла смутная угроза, явившая себя в лице чернявого парня...

Он не осмелился снова потревожить Алексея поздно вечером и решил повидаться с другом назавтра. Но Кис сам нашел его, позвонив в гостиничный номер, куда Реми вернулся, проводив Ксению до дома.

– Эта твоя красотка с наивными глазами – как сказала? Что мужику было лет пятьдесят? Так вот, представь себе, я узнал, кому принадлежит квартира! И ее хозяину тридцать три года! А теперь скажи мне – может тридцатитрехлетний мужик выглядеть на пятьдесят? То-то. Боюсь, что рассказала тебе девушка небылицу. Уж не знаю зачем...

– Я ее понимаю, – возразил Реми. – Она хотела от меня помощи, но не хотела меня посвящать в конкретные детали. Знаешь, когда я ей предложил помочь вынести тело и поехать на квартиру, она явно растерялась. Я отнес тогда эту растерянность за счет страха... А вот теперь думаю – она решила, что ни к чему посвящать постороннего человека в детали! Что она тогда обо мне знала? Ничего! Вот и не доверилась. И правильно, между прочим, сделала. Грамотно, я бы даже сказал.

– Оно, конечно, могло быть и так... А все же мне это не нравится. Не люблю, когда врут. Даже если понимаю зачем.

– Это ерунда, Кис. В основном она сказала правду.

– Почему ты так уверен?

– Потому что ее уже ищут!..

И Реми описал сцену, увиденную у подъезда. Кис задумался. Результатом его задумчивости было невнятное бормотание, в котором Реми понял только слова «завтра пойду». Затем последовало более внятное «завтра встретимся».

– Ты снова проведешь с ней завтрашний вечер? Ну, давай тогда ко мне сразу после ресторана. Может, и Ксюшу эту прихватишь с собой? Глянул бы я на это чудо-юдо...

– Она не может поздно возвращаться домой, ее мама с папой ждут, – мечтательно проговорил Реми, как будто всю жизнь только и делал, что ждал встречи с девушкой, которой положено возвращаться домой не позже одиннадцати! А ведь совсем еще недавно, каких-то пять лет назад, ему нравились независимые и самостоятельные девицы, распоряжающиеся лихо собой, своим временем, привязанностями, мужчинами и их деньгами... – И потом, – добавил он, – я не хотел бы ее пугать без необходимости.

– Мной, что ли?

– Ты, конечно, способен напугать маленьких детей, особенно к ночи... Но я имел в виду рассказ про парня, который о ней расспрашивал.

– Ладно, приходи сам. Надо будет обсудить.

Ночью Реми долго бессонно ворочался в гостиничной неудобной кровати, думая о пропавшем кадавре, о чернявом парнишке, задавшем соседке вопросы о Ксюше, о двух безжизненных окнах на втором этаже большого дома на набережной; вспоминая душистое прикосновение Ксюшинных волос к своему лицу, мягкие губы, охапку белого пальто, которое бесконечно уминалось в его объятиях, неожиданно твердея на тонкой талии, и медленно пропускало тепло ее тела под его руками...

Сердце его билось. Не спалось.

...В пятницу, пока Реми отсиживал закрытие симпозиума, Алексей Кисанов, отбегав утро по своим делам, предпринял путешествие к дому на Бережковской набережной с весьма конкретной целью – расспросить о хозяине квартиры. Удостоверение частного детектива позволяло ему беззастенчиво задавать вопросы соседям, к чему он и приступил прямо у подъезда, обнаружив на скамейке мамашу, мерно потряхивающую синюю коляску.

Неожиданности подстерегали его с первых же слов.

– Не живет тут такой, – сообщила молодая женщина.

– Андрей Зубков, тридцать пять лет... Не женат... Подумайте, – настаивал Кис.

– Не видала. У нас есть молодые люди в подъезде, но женатые. А неженатых – нет.

– А вы хорошо знаете соседей? – недоверчиво спросил Алексей.

– Да вроде... Я тут уже третий год живу, но вот такого, как вы описываете, – не знаю.

Из какой он квартиры?

– Двести шестой.

– Две-ести шесто-ой?!

– Что? – напрягся Кис на странную интонацию, с которой были произнесены эти слова. –

Что такое?

– Там Тимур живет. Не знаю фамилии. Только он больше там не живет...

– ?

– Его убили! – понизила голос женщина.

– Откуда вы это знаете?

– Сегодня тут милиция толпилась с утра... Говорят – убили. Вроде как тело нашли...

– Где?

– Да откуда же мне знать? Милиция же ничего не рассказывает! Это мне соседка сказала... А может, и соврала! Откуда ей знать-то? Ей, что ли, милиция станет докладывать?

– Вы на каком этаже живете?

– На седьмом.

– Пользуетесь лифтом?

– Конечно.

Значит, мимо двери на втором этаже женщина не проходила. Надо было срочно посмотреть на эту дверь!

– Откройте мне, пожалуйста, подъезд, – ласково попросил Кис. Не пользоваться же отмычками на глазах у женщины!

Женщина выполнила его просьбу и вернулась на лавочку, к коляске. Кис взлетел по лестнице.

Дверь квартиры номер двести шесть была опечатана.

Дома, не сняв куртку, он ринулся к телефону.

– Серега? Скажи мне, у вас есть что-нибудь интересное по дому тридцать пять по Бережковской набережной? – осторожно спросил он.

– А тебе зачем? – осторожно спросили его.

– Ну, ты меня знаешь, я всегда кого-нибудь ищу!

– Я тоже.

– Ты кого ищешь?

– А ты кого ищешь? – поинтересовался глуховато-басовитый Серегин голос.

– Хозяина этой квартиры.

– Хозяина? Или жильца?

Вот оно что! Андрей Зубков – это хозяин, но квартира сдавалась! И там жил другой... некий Тимур, которого он, Кис, якобы ищет!

– Жильца, – быстро ответил Кис.

– А-а... Он у нас.

– Где?

– В морге. Тебя кто нанял?

– Серега, я не имею права разглашать...

– Ну и иди в задницу.

– Не пойду. Расскажи, где тело нашли.

– А что я буду с этого иметь?

– Ты гнусный взяточник.

– Я беру борзыми. Информация на информацию.

– Серега, ты же знаешь, я как только смогу... У меня пока ничего нет: я его искал и не нашел.

– Плохо работаешь, Кис. Надо было рядом с домом искать!

– То есть?

– В речке.

Кис присвистнул.

– Да... Я действительно не подумал туда заглянуть... Да и сезон, прямо скажем, не купальный... Что, совсем рядом с домом?

– Чуть дальше. Зацепился за пилон моста.

– Давно нашли?

– Вчера. Личность не сразу установили – его, бедолагу, голяком спустили поплавать в холодной водичке. Ни документов, ни зацепочки. Только незагорелый след от перстня – он-то нас и вывел.

– Перстня?

– А ты чего, ищешь чувака и не знаешь, что он перстень носил?

Точно, точно, Реми упоминал: Ксюша не сумела толком описать того мужчину, но перстень – большой, с синим камнем – описала!

– Знаю, конечно. С синим камнем. Просто не понял, как вы его сумели найти по следу от перстня?

– Так и нашли. Мы теперь народ компьютеризованный, ядрить твою в дышло.

– Не любишь ты, Серега, технику!

– Я женщин люблю. И водку. На кой ляд мне железный ящик любить? Да еще принудительно? Я принудительно любовью не занимаюсь.

– Не идет, стало быть?

– Мягко сказано.

– А знаешь, Серега, – вкрадчиво проговорил Кис, – я могу тебе помочь. У меня помощник Ваня – золото. В три урока тебя научит. Причем – бесплатно!

– Это в качестве взятки борзыми?

– Ну что ты, это в качестве дружеской услуги хорошему парню, – льстиво врал Кис.

– Подхалим и взяточдатель, – припечатал Серега. – Когда твой Ваня свободен?

– Как только ты сам сможешь – так сразу, – засуетился обрадованный Кис. – У него, у двоечника, завтра последний «хвост», и он сразу приступает к обязанностям. А причина смерти какая?

– Похоже, оглушили чем-то тяжелым по голове и утопили.

Кис ничем не выдал своих эмоций, только губы сжал. А эмоции у него были, о, были! «Козел! – ругался он мысленно. – Козел недоделанный! Надо было настоять, чтобы Реми притащил девчонку ко мне! Наивная, блин! Естественная, ексель-моксель! Реми-то ладно, чего с него взять – француз, чужой, молодой, дурной – что он в них понимает! Но он, но Кис! Так купиться! Ай-яй-яй, нехорошо как вышло, ай-яй-яй!»

– И давно он в водичке прохлаждался?

– Трудно установить – водичка-то холодненькая. И жмурик в ней почти как новенький. Где-то, по предварительным данным, от четырех до восьми дней. А точнее экспертиза позже скажет...

У Киса была масса вопросов, гора вопросов, которые он хотел бы задать приятелю. Но, сказав, что ищет этого человека, Кис сам загнал себя в угол: он же должен был знать об этом человеке хотя бы минимум! И теперь он не мог задавать эти вопросы Сереге. Кроме того, у него дома лежал еженедельник убитого. Если он вякнет хоть слово, то придется его сдавать следователю. А Кис хотел бы еще чуть-чуть подержать его у себя: он чувствовал, что история эта еще не кончилась... Хуже: она только начинается.

– Ладно, Серега, ты настоящий друг, – только сказал он, – Ванька тебе позвонит завтра, договоритесь насчет компьютера...

– Так не откупишься. Будет информация – звони.

– Всенепременнейше.

– ...То есть не зря тебя сомнения мучили, – говорил он Реми, который приехал на Смоленку по срочному Кисову вызову, отменив прогулку с Ксюшей по Кремлю. – Понятно теперь, в чем она тебе лгала, негодница: ей надо было уничтожить следы ее пребывания в квартире с твоей помощью, а убила она мужика просто где-нибудь в другом месте, на улице. А я-то, кретин несчастный: бок у вазы не помят – значит, не убила! Е-мое, аж стыдно делается! Так прокатить двух мужиков, двух профессионалов! Мерзавка! – раздражался англо-русскими проклятиями Кис. – Здесь все вранье, все! Жильцы не сдают квартиры! Их сдают хозяева! А девка эта описала – жильца! Да и знаешь ли ты, сколько стоит снять двухкомнатную квартиру в Центре? Состояние целое стоит! Откуда у студентки такие деньги? Не-е-ет, она все придумала, все – от начала и до конца! Одно только правда: она была знакома с этим чуваком по имени Тимур, и она его убила!

Реми молчал. Ни звука не проронил, только побледнел. Так над его чувствами еще никто не смеялся. Он слушал Киса, глядя куда-то в сторону, и думал, что он хочет домой. К черту их всех – этих русских с их непонятно как устроенными мозгами в этой непонятно как устроенной стране!..

Глава 5

Сначала Реми не хотел ей звонить. Ни звонить, ни встречаться – уехать в Париж, не прощаясь. Чтобы его так обвели вокруг пальца? Как мальчишку, как полного придурка, использовали в своих целях? А он, осел, за эту неделю чуть не влюбился! Разомлел от круглых карих глаз и свежих девичьих щек! На экзотику его, видите ли, потянуло! Загадочную русскую душу разгадывать! Вот, разгадал – и что же? В дерьме по уши! Нет, спасибо, экзотика не для него. Ему бы что-нибудь попроще, отечественное. Русский шарм, конечно, – это очень мило, но француженки понятней. А эта... Кто бы мог подумать?! С такими глазами!..

Вот глаза-то его и удержали. Соблазнился в них посмотреть, когда скажет, что он ее раскусил. Ну и еще интерес профессиональный отчасти: захотелось все-таки понять, что же за история приключилась...

Короче, он ей все-таки позвонил. И пригласил поужинать.

...Голос Реми немного насторожил Ксюшу: он был необычайно серьезен. «Необычайно»! Они знакомы четыре дня, и что она знает об этом французе толком, чтобы судить, что для него «обычайно», а что «не-»? Впрочем, кое-что Ксюша знает: он ей страшно нравится, если не сказать – влюблена... И еще одну вещь она знает: она ему тоже нравится. Если не сказать – влюблен... Он даже поменял билеты из-за нее! Что же он приготовил ей сегодня? Ему через два дня уезжать... И эта серьезность... Неужто собирается признаваться ей в любви?

А почему бы, собственно, и нет? Четыре дня, конечно, не срок для отношений, но ведь ему уезжать! И перед отъездом он должен ей что-то сказать! Как же иначе? Ксюша чувствует: Реми человек серьезный. И его отношение к ней – серьезно. Пусть оно еще только-только принимает формы, но Ксюша для него уже значит кое-что. И поэтому перед отъездом он должен ей сказать слова... Ну, может, не слова любви, но что-то такое, что позволит им эти отношения продолжать, несмотря на разделенность странами, расстоянием...

Ксюша особенно тщательно выбирала платье для этого вечера. Долго укладывала свои длинные каштановые волосы – Сашка ей помогала. Старательно делала неброский, едва заметный макияж.

И чувствовала себя невестой.

Когда Ксюша вошла в ресторан – праздничная, сияющая, – Реми на мгновение усомнился. Эта девушка, от которой, казалось, исходил нежный свет, не могла оказаться холодной, расчетливой интриганкой!

«Могла, не могла, – пробурчал мысленно Реми, – ты кому будешь верить? Себе или этой хитрой, загадочной русской девчонке? Себе, конечно. То-то».

Когда Ксюша уселась напротив него, он почувствовал, как на самом деле она напряжена. Нервничает! Учужала, стало быть, зачем он ее позвал. Так что он прав: хоть свет, хоть нимб, хоть крылышки за спиной – его не проведешь. У него в руках факты. А за его спиной отнюдь не крылышки: за его спиной жизненный опыт частного детектива. Он их много видел, таких ангелов, с карими глазами, с синими глазами, с серыми, зелеными, в крапинку... И он больше не покупается на их маленькие спектакли.

Ксюша не ошиблась. Реми действительно был очень серьезен и немного смущен. Избегал ее взгляда, пока вокруг них крутился официант. Конечно, он собирается признаться в любви! Ксюша с замиранием сердца ожидала, когда они наконец останутся одни. Тогда Реми ей скажет... И это так красиво звучит по-французски... А она ему ответит... Что же она ему ответит? «*Moi aussi, je t'aime...*»³ Или это будет слишком откровенно? Сашка всегда говорит, что мужчины любят тайну. А она, Ксюша, слишком открыта, слишком легко просматривается,

³ Я тоже тебя люблю... (фр.).

слишком распахнуты ее круглые наивные глаза... Господи, а ведь сейчас, вот прямо сейчас, как только официант отойдет, Реми ей признается в любви; а она так и не успела подумать, что же она скажет сама! Катастрофа! Нужно что-то срочно придумать, какие-то такие слова, которые должны ему дать понять, что он ей тоже очень понравился и что ее отношение к нему тоже серьезно, и в то же время, по Сашкиным заветам, накинуть флер тайны на свои чувства...

Но она не успела ничего придумать. Официант уже отчалил от их столика.

Реми проводил глазами спину официанта.

Ксюша замерла. Вот, сейчас! И будь что будет!

Реми оперся локтями на стол.

Подался вперед.

Придвинул свое лицо близко к Ксюшиному.

И, глядя прямо в ее круглые карие глаза, произнес тихо и жестко:

– Вы меня обманули!

«Вы»!!! А ведь уже два дня, как они на «ты»! Все, она пропала... Как ему теперь все объяснять, как ему теперь все объяснить?... Ксюша даже закрыла глаза от разочарования.

Не думала она, что он так быстро догадается! Да и что вообще догадается – не думала. Вот тебе и «загадка», вот тебе и «флер тайны»... И что же ей теперь делать? Придется признаваться, упираться бессмысленно...

– Я... Извини... – пробормотала она, не поднимая глаз от накрытого белой скатертью стола. Перейти с ним на «вы» было выше ее сил.

Ксюша чувствовала, как Реми сверлит ее настороженным, обвиняющим взглядом. Ее щеки медленно и мучительно заливал румянец. Она потянулась к бокалу шампанского, налитого услужливым официантом, и утопила свой взгляд в золотистых пузырьках.

Реми молча рассматривал ее, ожидая ответа. Молчание затягивалось, и Ксюша вдруг поняла, что если она ничего не объяснит прямо сейчас, то он встанет и уйдет.

– Я действительно... – заговорила она, глядя по-прежнему в свой бокал, который медленно крутила за тонкую холодную ножку, – я все это выдумала... Никто на меня не покушался, и никого я не убила, и труп никуда не сбегал... – пролепетала она окончательно упавшим голосом.

Реми нахмурился. В его взгляде было непонимание, холодное, отчужденное непонимание.

Она отвернулась, чтобы не видеть взгляда Реми. Стыд какой! Теперь он поймет, что вся эта история, все это вранье было лишь поводом для знакомства с ним! Надо же было так опростоволоситься! А все Сашка! Дура, что послушалась ее советов! Какая из Ксюши Шарон Стоун!

– Может, вы перестанете? – донесся до нее ледяной тон француза.

Ксюша изумленно повернула голову. Перестать – что? Смотреть в сторону?

– Может, хватит наконец врать? – так же холодно продолжал Реми.

Вот и весь «амур». Все так быстро и так постыдно кончилось... Какой у него голос! Словно она и вправду убила кого-то!..

– Я ведь уже призналась тебе, что все выдумала! Чего ты еще хочешь? Унизить меня? Я и так унижена, своей собственной глупостью унижена! – Слезы копились в уголках карих глаз, и Ксюша смахнула их, отметив мельком, что на них уже с любопытством поглядывают из-за соседних столиков. К счастью, хотя бы одно преимущество в этой ужасной сцене есть: они говорят по-французски, и никто не понимает ни слова...

В глубине души Реми надеялся, что она растеряется. Расплачется, раскается, признается. Он думал, что будет с ней суров, но она расскажет что-то такое, из чего будет следовать, что она запуталась... И он сможет ее простить... А она все отрицает! Она врет, нахально обманывает,

глядя на него мокрыми несчастными глазами, и рассчитывает, что он сейчас растает от ее обаяния и невинности! Ну нет, больше этот номер не пройдет! Больше Реми не купится, баста!

– Э-э-э, нет! Так дело не пойдет! – Реми тоже почувствовал на себе взгляды и понизил голос. – Слезами вы ничего не добьетесь! И ваши жалкие попытки продолжать лгать ни к чему хорошему не приведут! Вы ведь убили этого человека вовсе не защищаясь, как вы мне сказали, а хладнокровно и преднамеренно! Вы его убили и сбросили тело в реку, а из меня сделали сообщника, дьявольская интриганка!

Ксюше показалось, что это ее сбросили в реку и она ушла под воду с головой. Она не могла дышать, грудь сдавило. Она не верила своим ушам, в которых все еще звучал металлический голос, тихо чеканивший каждое слово.

– Я не... – попыталась что-то сказать в свое оправдание Ксюша.

– Хватит! Довольно! Я сыт по горло!

– Я его не убивала! И вообще никого не убивала!.. – пролепетала Ксюша, пытаясь поймать безжалостный взгляд.

Но тщетно. Не глядя на нее, Реми встал и, бросив салфетку на стол, направился к выходу. Ксюша беспомощно провожала его взглядом. Она видела, как Реми расплатился и покинул ресторан, так и не обернувшись.

Оставаться под перекрестным огнем чужих взглядов было неважно. Ксюша, усилием воли сдерживая уже булькавшие в горле рыдания, прошла через зал и вышла на вечерний бульвар. Дождя не было, ночное небо было ясным и холодным. Ксюша растерянно брела по Страстному, не видя и не слыша ничего вокруг себя, и в ее мозгу царил хаос. Что он сказал? Почему? И, главное, он ее бросил!!! Не просто в ресторане бросил, а вообще бросил. Четырехдневный роман, набравший обороты не то что с каждым днем – с каждым часом! – закончился. Закончился нелепо, глупо, обидно, горько...

Правильно, не надо было и начинать. Это все – от начала и до конца – была надуманная идея. Совершенно глупая, бесперспективная идея! Просто высосанная из пальца! Из таких идей никогда ничего хорошего не получается... Не в свои сани не садись – вот в чем мудрость! Какая из нее Шарон Стоун? А все Сашка! И как это только Ксюша позволила себя уговорить? Когда, в какой момент она потеряла разум?.. Все началось тогда, в тот *роковой* понедельник...

Качаясь в пустоватом вагоне метро, который вез ее в сторону проспекта Мира (где жила Александра), она с осуждением разглядывала свое расплывчатое отражение в темном стекле и пыталась понять, проанализировать свою роковую ошибку. Ксюша считала, что ошибки нужно непременно анализировать и делать из них выводы, которые должны застраховать ее на будущее от повторения оных...

В ее возрасте было совершенно простительно не знать, что в подавляющем большинстве случаев люди и не повторяют старых ошибок. А просто совершают новые.

Остаток вечера был выплакан на плече у старшей сестры. Увидев у своей двери Ксюшу – берет сбился на глаза, тушь отпечаталась темными кругами под глазами, лицо несчастное, как у побитой собачонки, – Александра отменила выход на какое-то светское мероприятие и, заставив сестренку умыться и снять тушь косметическим молочком, усадила рядом с собой. Слушать горькую повесть о растоптанной любви пришлось недолго: она укладывалась в несколько коротких фраз.

– Ты его спросила, с чего он это взял? – дослушав, задумчиво поинтересовалась Александра.

– Не знаю... Нет, не спросила.

– Боже мой, какая же ты идиотка! Ты хоть поняла толком, что произошло?

– Он догадался, что я его обманула...

– Да нет же! Дело вовсе не в этом! Ксения, у тебя от чувства собственной вины мозги совершенно перестали работать! Приди же в себя наконец! Ты понимаешь, что он обвинил тебя в убийстве?!

– Почему? – изумленно спросила Ксюша. – В каком убийстве?

– Хотела бы я знать ответ на этот вопрос... – пробормотала Александра. – Не нравится мне это. С тех самых пор, как он вынудил тебя поехать на квартиру, – не нравится. Откуда это взялось – река? И при чем тут ты?

– Он считает, что я этот труп убила? То есть что это я убила человека и труп в реку сбросила?!

– Дошло, слава богу. Судя по всему, именно это он и считает! Может, Андрюшиного жильца и вправду кто-то убил?

– Утопил?!

– Или сбросил мертвое тело в реку...

– Как такое может быть?

– Как-как! Не знаешь, как людей убивают?

– Но почему Андрюшиного жильца?

– А почему нет? Тебя надо было спросить сначала, что ли? В Москве каждый день убивают кого-то!

Ксюша смотрела на сестру с отчаянием. Губы ее снова начали дрожать и вспухать от наступающего плача.

– Саш, он меня бросил!

– Другого объяснения я не вижу... – бормотала Александра себе под нос, не слушая патетические восклицания сестры. – Это единственно возможное объяснение... Ладно, попробуем это дело поправить!

В Ксюше тут же проснулась надежда. Она не знала, что придумала Александра, но доверяла ее творческим способностям и была уверена – сестра придумала что-то действительно дельное. Она смотрела на Александру глазами преданной собаки, которая знает, что участь кусочка сахара, зажатого в руке, находится во власти ее хозяина.

– Давай мне телефон твоего Реми.

Александра решительно набрала номер гостиницы и попросила ее соединить с Реми Деллье.

Но француза в номере не было.

Француз сидел у Киса на кухне и вот уже битый час каялся, запивая горькую иронию горькой водочкой.

– Ясно же было, что убила она этого мужика в другом месте! Так же не бывает: убила – тела нет, кофе пила – чашек нет, на вазе следов нет, на полу крови нет! А я, кретин, глядя в ее наивные глаза, все это кушаю! И еще причмокиваю от удовольствия! Пропылесосил! Паркетик протер тряпочкой! Просто бюро добрых услуг! Бойскаут! Мать Тереза!

Реми застонал от испытанного унижения.

– Да, – сочувственно произнес Кис, – убийство было преднамеренным... И вся эта история с попыткой изнасилования – вранье. Только я одного не усек: зачем ей надо было тащить тебя в квартиру, если преступление было совершено в другом месте? Если бы она тебя использовала на месте преступления с целью уничтожить ее следы – я бы понял. Но убийство было совершено не в квартире – там нет следов, там нет ничего тяжелого, чем можно было бы все-речь оглушить... Так зачем она тебя туда притащила?

– Ты знаешь, она не тащила меня в квартиру. Я сам настоял... Как последний придурок! Труп решил помочь вынести!

– Разыграла! – убежденно сказал Кис. – Она сама тебя подвела к этому предложению. Разжалобила рассказом о попытке изнасилования... Сказала, что труп там лежит до сих пор... Ты и поперся... Но только зачем ты ей понадобился, вот что я хочу понять? Отпечатки стереть? Она в этой квартире бывала, раз знает ее хозяина – а она его знала, раз убила и утопила! – и отпечатки ее там, безусловно, есть, но она могла стереть их сто раз без тебя. Для такой ерунды ей не нужен профессионал. Что ее могло еще беспокоить в квартире, если квартира не является местом преступления?

Реми посмотрел на Алексея.

– Знаю. Понял! Вот зачем: ей нужно было что-то забрать из квартиры, какую-то улику, вещь, которая могла указать на нее! И меня использовали как средство для открывания замков, как вульгарную отмычку! И пока я там корячился, ползая по паркету, она прихватила то, за чем пришла!

– Очень возможно... По крайней мере, это объясняет ситуацию... Ну, а она-то что тебе сказала?

– Опять стала врать. Что никого не убивала и все это придумала... Дальше я не дослушал.

– А ты знаешь, – задумчиво проговорил Кис, – если мы с тобой на верном пути и она воспользовалась твоей помощью, чтобы попасть в квартиру... То вполне могло быть и так, что она действительно никого не убивала...

Он едва заметно улыбнулся, увидев, как встрепенулся Реми.

– Она, несомненно, знает убитого, – продолжал Кис, забавляясь оживлением в лице приятеля, сменившим угрюмую и подавленную мину. – И, несомненно, знает, что его убили. И решила – тут ты, я думаю, прав – забрать какую-то вещь из его квартиры, чтобы его имя не связывали с ней... Сам посуди, как ей было сбросить тело...

Реми вскочил.

– Я идиот! Ты прав, Алексей, ты прав! Вот проклятье, эмоции – враг рассудка! Какую я глупость сморозил! У меня голова совершенно выключилась, это же ясно! Подстеречь его на улице, оглушить чем-то по голове, притащить это тело к реке, перевалить через парапет набережной – она? Ты бы видел ее хрупкую фигурку! И, главное, раздеть мертвеца – это не женский ход мышления! Это дело профессионала или хотя бы мужчины! А я, кретин...

Кис улыбался, глядя на бурную реакцию Реми.

– Ты бы видел ее! – заметил Реми ироничный взгляд друга. – Ты бы глянул в эти глаза! У самого бы крыша поехала!

– Надо бы увидеть, – заметил Кис. – Объясниться.

– Сейчас же!!! Можно ее позвать сюда?

– Десять вечера. – Кис с сомнением покачал головой. – Давай завтра.

– У меня нет завтра! Я через два дня улетаю! У меня все – сию минуту! Прошу тебя, вот ее телефон. Позвони, объясни, как доехать, пусть возьмет такси, я встречу внизу и оплачу... Или я сейчас сам за ней поеду!

Алексей покачал головой и набрал номер. Ксении, однако, дома не было, и вежливый мужской голос продиктовал номер ее сестры, у которой Ксюша находилась в данный момент.

К телефону долго не подходили, но Кис был упрям, и едва ли не на десятый гудок трубку сняли. У телефона оказалась ее старшая сестра по имени Александра, сообщившая приятным хрипловатым голосом, что Ксения не совсем хорошо себя чувствует, в связи с чем к телефону не подходит. Кис не без удовольствия стал объясняться с приятным голосом. После всех извинений от имени и по поручению, всех объяснений, всех кто, почему, куда и когда, он сообщил Реми:

– Едут. Ксюша и ее сестра.

Реми, следуя указаниям Алексея, разыскал кофеварку, кофе, сахар и занялся приготовлением кофе, а Кис бросился убирать свою постель и складывать диван-кровать...

Глава 6

Девушки вошли.

Кис при виде еще припухшего от недавних слез лица Ксюши понял Реми. Понял быстро и очень ясно, что потянуло француза к этой девушке. Он за границей бывал не раз и чувствовал тот выгодный контраст, который Ксюша представляла с западными женщинами и от которого могла растаять добрая половина мужского иностранного населения.

Реми при виде еще припухшего от недавних слез лица Ксюши испытал мучительное раскаяние, не менее мучительную жалость и все так же не менее мучительную радость снова увидеть эти чудные глаза.

Кис при виде Александры подумал коротко: «Если бы эта осталась у меня, я бы... И вообще, что-то давно у меня женщины не было. Работа проклятая, жить не успеваешь».

Реми при виде Ксюшиной сестры подумал еще короче: «Журналистка!»

Ксюша глянула на обоих мужчин настороженно: вдруг снова начнут...

Александра холодным взглядом окинула обоих. Характеристики были не слишком лестными: Алексей похож на ловкую лохматую обезьяну, устройство рук и ног которой наводило на мысль о дереве, за которое она вот-вот уцепится и быстро-быстро полезет вверх... Отчего-то на мгновение она представилась самой себе этим деревом. Реми ей показался вовсе не таким уж привлекательным, как описывала его Ксения, – довольно приятное, но какое-то слишком гладкое, слишком стандартное лицо, как почти у всех иностранцев, – на таких не выражаются чувства и мысли, и она такие лица не любила...

Впрочем, что любила Александра? Кого любила Александра?

Но это ее проблемы. И другим о них знать ни к чему. А Ксюша... Пусть радуется жизни, пока молодая и глупая. Александра старалась не мешать сестре любить всё и всех... Может, Ксюше больше повезет, чем ей?

По крайней мере, Александра любила свою сестру.

Сели вчетвером в кружочек – девушки рядышком на диване, мужчины на стульях. Кис заторопился на кухню – за кофе. В течение нескольких минут никто не проронил ни слова.

– Давайте договоримся, – нарушил тишину Кис, ставя кофе на столик, – говорить правду. Иначе смысла в нашей встрече нет.

– Мы для этого и пришли, – сухо сообщила Александра.

– Вот и чудненько. Вопрос первый...

– Погодите, – перебила Журналистка, – вопросы потом. Сначала дайте нам объяснить.

– Нет уж, извольте сначала ответить на вопрос. Ксения, вы убили этого человека?

– Нет, – вскинула на него глаза Ксения.

У нее и вправду чудные глаза. Но у старшей-то, у старшей! Если у этой чудные, то у той просто магические!

– Я готов вам поверить. Вы хотели просто забрать какую-то вещь в его квартире?

– Нет.

– Та-ак, а ведь мы договорились не врать.

– Она не обманывает, – надменно сообщила Александра. – А если вы дадите мне рассказать, то все поймете сами, и куда быстрее, чем если будете задавать ваши дурацкие вопросы.

Кис поразмыслил. В основном для важности.

– Валяйте, – согласился он с достоинством и снова подумал, что если бы эта осталась у него, то он бы... Ух!..

– Это моя вина, – заговорила Журналистка. – Это я придумала такой план... А все дело в том, что Ксюша слишком наивна и прямолинейна... – Александра решила рассказать все как есть. – В Ксюше не хватает тайны, игры, стервозности...

Что верно, то верно, подумал Кис, плотоядно поглядывая на старшую сестру. В этой-то хватает, даже с избытком! Эти глаза персидские, непроницаемо-темные, с какой-то странной сумрачной искрой; это тонкое высокомерное лицо, на котором лежала тень утомленности, усталости от жизни, смесь меланхолии и горьковатой иронии, и в то же время печать тайны, словно ее тяготил какой-то грех... И – ох! – если бы эта у него осталась... и так далее, и так далее, и так далее...

«И слава богу, – подумал Реми, – в том-то ее и прелесть. Стервозностью я сыт по горло. Выше крыши я сыт...»

До самого конца рассказа Александры мужчины стойко не проронили ни слова, хотя восклицания – типа «не может быть!» – так и рвались.

– ...Вот так оно и вышло, что Ксюша с Реми попали именно в эту квартиру, – подытожила Александра, и в комнате наступила тишина.

Кис оценил оригинальную выдумку Александры. Нестандартный подход к проблеме, ничего не скажешь. Да девушка и сама нестандартная...

Реми ни за что бы не взялся описать те противоречивые чувства, которые вызвал у него рассказ Александры. Он был потрясен, оглушен, виноват, смущен, польщен – и все это одновременно, и у каждого из этих чувств были свои причины, и требовались долгие слова, чтобы их выразить...

И он был благодарен Ксюше за этот букет ощущений.

Когда девушки умолкли, Кис поинтересовался:

– И этому мы должны поверить?

– А что вам остается делать? – пожал плечами Александра. – Правда есть правда, даже если она на правду не похожа, – заявила она.

«Так бы и впился в эти плечи», – морочился Кис.

– Значит, – продолжал он суховато, – вы с Ксенией просто сочинили историю с убийством жильца квартиры номер двести шесть? Такой вот плод воображения? И найденный в речке труп – не более чем совпадение?

– Теперь вы мне ответьте на вопрос: что это еще за труп из речки? – спросила Александра.

– Жильца из этой квартиры нашли в Москве-реке.

– Утонул?

– Его сбросили в реку. Возможно, в бессознательном состоянии. У него рана на голове...

А Ксения, находясь в квартире убитого, рассказывала Реми, что она нанесла ему удар по голове... И теперь вы хотите нас уверить, что это просто совпадение? Вот такая выдумка, которая нечаянно совпала с действительностью?!

– Именно так, – подтвердила Александра.

– И перстень, значит, тоже не более чем совпадение? – допытывался Кис, поглядывая на молчавшего Реми.

Француза, похоже, убедила рассказанная история, лицо его смягчилось и приняло немного растерянное и виноватое выражение.

– Боже мой, но мы же вам уже все объяснили! – проговорила в отчаянии Ксюша. – Я в жизни не видела этого человека! Никогда в жизни! Я его придумала, понимаете? И перстень придумала!

– Какой еще перстень? – спросила Александра, устремив свои темные глаза на Алексея. – О чем речь?

– Человек этот был сброшен в реку голым. Тот, кто убил его, не хотел, чтобы труп сумели опознать, и снял с него не только одежду, но и перстень... А может, просто украл дорогую вещицу. Но в милиции на этот продукт вашего воображения есть какие-то данные, он, видимо, проходил по некоему делу – мне не удалось пока выяснить, по какому именно... И они по следу от перстня на пальце сумели установить его личность.

– Объясни мне... – Александра в полном недоумении повернулась к Ксюше. – Объясни, откуда ты это взяла – перстень? И какой?

– Крупный... С синим камнем... – виновато проговорила младшая.

Александра долго и сурово молчала. Наконец она произнесла небрежно – и Кис уловил нотку искусственности в этой небрежности:

– Почему именно такой: с синим камнем? Ты его где-то видела раньше?

Ксюша, краснея и сбиваясь, стала рассказывать про аэропорт, туалет и рейс на Лугано.

Александра слушала ее, прямая и бледная, как изваяние. Столкнувшись взглядом с Алексеем, отвела глаза. И Кис задавал себе вопрос, что у нее могло быть связано с этим перстнем? Он готов был поспорить, что Александра этот перстень знает. А может быть, и человека, его носившего?..

– Какая глупость! – бросила Александра через плечо, даже не повернувшись в сторону совсем оробевшей Ксюши. – Я ведь тебя предупредила: ничего примечательного!

– Я почувствовала, что Реми не до конца поверил в мою историю... – пролепетала младшая, переводя отчаянный взгляд огромных потемневших глаз с сестры на Реми.

– Ну, описала бы какую-нибудь печатку золотую... А то – надо же! – с синим камнем! Теперь любой мертвец, который, по случайному совпадению, носил такой перстень, будет твой!

– Я в случайные совпадения не верю, – заявил Кис. – А ты, Реми?

Последний пожал плечами, не отрывая взгляда от Ксюши, которая в свою очередь старательно изучала пол.

– Однако же они бывают в жизни, – ответил француз. – Возможно, Ксюша видела в аэропорту именно жильца этой квартиры. Почему бы ему было не лететь в Швейцарию? Я вот не так давно прилетел в Брюссель по делам, а в аэропорту встретил своего соседа по дому! Или еще и так могло быть, что перстень этот принадлежал какое-то время назад другому человеку... А теперь был куплен – или подарен, или украден! – жильцом этой квартиры... Почему нет?

– Значит, и труп – совпадение, и перстень – совпадение, так, что ли? – недоверчиво уточнил Кис.

– Именно, – холодно подтвердила Александра.

– Допустим, – кивнул Кис. – Не то чтобы я вам до конца поверил, но допустим. А вы чем занимаетесь, если не секрет? Кроме того, что состоите в должности наставницы вашей младшей сестры?

– Саша статьи пишет, она – журналистка! – горячо воскликнула Ксюша. – Вы должны знать ее фамилию: Касьянова! Если вы, конечно, читаете газеты...

Александра посмотрела на сестру с упрёком.

Что верно, то верно, младшенькая отличается непосредственностью... Чего вовсе не скажешь о старшей. Эта – закрытая, загадочная, холодная, как мрамор. И все же Кис чувствовал какой-то скрытый, грешный огонь в тайных глубинах мраморного изваяния. И этот огонь сводил его с ума.

Фамилию «Касьянова» Кис знал. Ее статьи, обычно политико-нравственного аспекта, он читал не без интереса. Написаны живо и остроумно, они легко запоминались и легко узнавались по стилю. Он не всегда был согласен с ее точкой зрения и иногда, читая, спорил вслух. Теперь ему показалось забавным то, что он видит перед собой автора и слова, столько раз обращенные к ней, но высказанные в никуда, можно было бы адресовать непосредственно объекту его порой раздраженных, порой пламенных реплик...

Но сейчас явно был неподходящий момент для политико-нравственных споров. Посему Кис только спросил:

– Это ваша настоящая фамилия или псевдоним?

– Настоящая! – снова воскликнула Ксюша. – Я тоже Касьянова!

Не замужем, значит, удовлетворенно подумал Кис. Конечно, такая независимая девица могла оставить и в замужестве свою фамилию... Но такая независимая девица, пожалуй, долго не выйдет замуж. Капризничать будет, выбирать, взвешивать... И выйдет в конечном итоге за какого-нибудь козла, который польстится на ее известность и совсем не поймет и не оценит, что за жемчужина попала к нему в руки... Вот Кис, к примеру: он бы такую ценил. Но что такие, как она, понимают в таких, как он? Он для нее не слишком взрачный, не слишком высокий, не слишком обеспеченный, не слишком... Ох, много чего «не слишком» он для нее! Вот только разве что – оценил бы...

– То-то я смотрю, воображение у вас... Хорошо развитое. А это, оказывается, профессиональное! – то ли съехидничал, то ли польстил Кис.

Он снова посмотрел на Реми, который подозрительно отмалчивался, не участвуя в «допросе», и увидел, что Ксюша уже сидит рядом с ним и рука его обвивает ее плечи. Кис умилился. И позавидовал. С этой, старшей, норовистой, так не посидеть рядышком... Уж во всяком случае, Кису. Да и с кем ему посидеть? Никого у Киса нету...

– Дайте мне координаты вашего Андрея, – распорядился он. – Мне нужно будет его кое о чем расспросить, чтобы окончательно понять, что здесь правда, а что нет.

– Здесь – все правда, – заявила Александра. – Сколько раз вам нужно это повторять!

– Координаты дадите? Или самому искать?

– Пожалуйста. – Саша презрительно протянула ему свою записную книжку, раскрытую на букве «З». – Переписывайте.

Кис не смутился. Он деловито переписал номер и, глянув на часы, сообщил, что позвонит владельцу квартиры завтра.

– А пока что, – сказал он, – если поверить в ваши совпадения, то вопрос вот в чем: куда вляпалась Ксюша, в какую историю, и чем это ей теперь грозит. Ведь милиция – это не два частных детектива, обалдевших от вашей неземной красоты и готовых верить вашим раскрепасным глазам. Эти сказочки никого не убедят, будь они сто раз чистой правдой.

– Но ведь никто никогда не свяжет имя Ксюши с этим убийством! – возразила Александра. – Ведь это только вы знаете нашу «сказочку», которую мы сочинили в соавторстве специально для Реми! Ксюша в жизни не была в этой квартире, ее хозяйина в глаза не видела! Кто об этом может узнать?

– Неприятность заключается в том, что некто уже начал интересоваться Ксюшей...

Реми пришлось рассказать немую сцену у подъезда. Ксюша округлила и без того круглые глаза и стала похожа на Чебурашку.

– Вы думаете, Алексей, это был человек из милиции? – спросила Журналистка.

Ох, как Кису понравилось собственное имя из уст Александры! Музыка просто: «А-л-е-к-с-е-й...»

– Вряд ли. Но и милиция может докопаться...

– Но кто же тогда это мог быть – тот, чернявый?

Кису не хотелось пугать девиц и рассказывать о своих открытиях, сделанных по прочтении еженедельника безвестного до сих пор жильца квартиры двести шесть.

– Не знаю. Надо бы для начала понять, что за личность там проживала, а потом строить догадки, кто да что... Фамилию его не знаете?

– Как я могу знать фамилию человека, которого я выдумала? – обиженно удивилась младшая.

– Понятия не имею, – бросила старшая.

Кис задумался. Ситуация зашла в тупик. Он вызвал девушек в основном из-за Реми – наладить его расстроившийся роман. Реми, похоже, им поверил и вон сидит уже в обнимку с разругавшейся Ксюшей. Лично у Киса остались сомнения – уж больно все сказочно выглядит... Не то чтобы он совсем в совпадения не верил, но... Но что-то за ними тут имеется. И дразнит его любопытство. Хорошо было бы разузнать об убитом побольше. Хорошо было бы покопаться в его квартире, понять, что это за фрукт такой. Хорошо было бы разыскать ту соседку в зеленом пальто и расспросить ее о чернявом; хорошо было бы понять, кто стоит за ним: друзья убитого или его недруги? Станут ли люди, пославшие чернявого в разведку, мстить за смерть жильца двести шестой квартиры? И рискует ли в таком случае Ксюша? Маловероятно, что они ее разыщут...

С другой стороны – зачем все это ему? Его миссия выполнена, его больше никто ни о чем не просит.

– Кому кофе подлить? – осведомился он.

– Спасибо, не надо, – ответила Александра, глядя на часики. – Поздно уже. Я полагаю, что мы объяснились и инцидент исчерпан?

– Ну, как вам сказать... – загадочно ответил Кис, желая поинтриговать.

Но ему не удалось: Александра посмотрела в упор на Реми и добавила:

– А, Реми? Можно считать, что все встало на свои места?

– Вы потрясающие девушки, – блаженно улыбаясь, ответил тот. – Я вами восхищаюсь.

Все это придумать, – он сделал легкий поклон в сторону Александры, – и все это разыграть... – это было уже выдохнуто в нежную Ксюшину шейку. – Ты отважная девочка, – мурлыкал он. – И знаешь, все-таки я рад, что не ты это придумала...

Александра встала:

– Пора, Ксюша.

– Уже? – раскрасневшаяся Ксюша оторвала свой взгляд от Реми с сожалением.

– Уже час ночи! Поехали.

Реми с не меньшим сожалением выпустил Ксюшу из своих рук, понимая, что в присутствии этой суровой дуэньи невозможны ни нежности, ни торги, и только провожал Ксюшу зачарованным взглядом.

– Спасибо вам, – произнесла Александра. – За кофе.

– Не за что, не за что, – засуетился Кис, вставая. – До свидания. Если еще свидимся...

Александра загадочно глянула на него и ничего не ответила.

– Рад был познакомиться с сестрой Ксюши... – Реми расцеловался с Александрой. – Завтра в пять, Ксюша, да?

Ксюша послала Реми взгляд, который говорил все то, что не сказали ее губы.

Мужчины проводили девушек до машины Александры, помахали им ручкой и поднялись к Кису.

И никто не придал значения целующейся парочке в припаркованной у соседнего подъезда черной машине «Волге». Никто не забеспокоился, когда дверца ее открылась – ровно в тот момент, когда закрылись дверцы в машине Александры, – и девушка выпорхнула наружу, тут же скрывшись в подъезде.

И даже тогда, когда мужчина, оставшийся за рулем, развернулся и поехал вслед за машиной Александры, – даже тогда никому не пришло в голову искать в этом совпадении какой-то смысл...

– Ну что, все теперь в порядке? – спросил Кис, когда они вернулись в квартиру, стараясь, чтобы в его голосе не прозвучала подначка.

Реми кивнул.

– Ты зря, Кис... Ты не чувствуешь людей. Ты веришь или не веришь мозгами. А надо еще и чувствами.

– Ну, с твоими чувствами только и верить. Другого варианта просто не может быть. Ты же влюблен, как младенец!

– Младенцы – влюбляются?

– А хрен их знает... Но ты – да!

– Я? Она мне нравится.

– Ага. Мне тоже.

– ?

– Ну, если ты говоришь «нравится», то мне – тоже.

– Но... Ладно, я хотел сказать – я влюблен...

– Так-то оно лучше, старина. Комедий мне и так хватает на сегодня.

– Ты не веришь им?

– Сам не знаю.

– Дело твое. Как бы там ни было, меня пока что больше всего беспокоит чернявый. Если я не ошибся и правильно понял, что речь шла о Ксюше... Я хотел бы тебя попросить...

– Я съезжу завтра.

– Погоди, ты еще не услышал просьбу!

– Да знаю я, чего ты хочешь! Я сам об этом думал. Расспрошу завтра соседку в зеленом пальто. И к этому Андрею Зубкову наведаюсь.

– Кис, я тебе заплачу за работу.

– Иди ты!

– Нет, не отказывайся. Это слишком много для дружеской услуги, ты потратишь свое рабочее время, и оно должно быть оплачено. Какой у тебя тариф?

– Иди, я сказал. На «куй».

– Кис, ты только осложнишь мне жизнь! Мне придется ломать голову, как отблагодарить тебя, если ты не возьмешь деньги!

– Мы друзья?

– Ну?

– Ну и все.

Реми принялся было объяснять, что французская поговорка гласит: «Хорошая дружба – это щепетильность в расчетах», но ему помешал звонок телефона. Услышав забархатевшие модуляции в голосе Киса, Реми, хоть русский и не понимал, догадался, что звонит Журналистка...

И оказался прав.

– Я богатею с каждым часом, – сообщил Кис, положив трубку. – Теперь и Ксюшина сестра просит меня узнать о чернявом. За деньги, разумеется. Она при Ксюше не хотела об этом говорить.

– Ну нет, Кис, это для меня вопрос чести. Ты возьмешь деньги от меня и не позволишь платить этой Медузе-горгоне!

– Это которая обращала взглядом людей в камень?

– А что, не похоже?

– Похоже, – признал Кис. – Я почти окаменел, пока мы беседовали, особенно...

Он хотел было сострить: «Особенно одна специфическая часть моего тела...» – но удержался.

– Тебе Александра не понравилась? – лишь сдержанно поинтересовался он.

– Сильная личность. Умна, эгоистична, холодна. В ней есть класс, высокий, я бы даже сказал, класс, но... С такой жить нельзя, Кис. Такой можно только служить...

Реми прав, подумал Кис, черт возьми, прав! Но отчего-то хочется ей послужить... Так бы и кинулся исполнять приказания, мазохист хренов! А если бы в награду допустили к телу... Сгрыз бы, сожрал бы, высосал, как мозговую косточку! Тут бы мазохист мгновенно сделался садистом!.. Если бы не умер раньше от счастья у ее ног.

И как это у нее получается, у стервы?

Глава 7

К Андрею Зубкову они поехали вдвоем с Реми. Реми, конечно, по-русски не понимал, но полезен мог быть. Препираясь и посмеиваясь друг над другом, оба прекрасно знали достоинства каждого – ведь не зря, поработав на пару, заружились! – и знали также, что друг друга в чем-то дополняют. У каждого была интуиция, но – у каждого своя. Интуиция ведь вещь составная: тут перемешаны догадливость, способность к предчувствиям, телепатия, чувство фальши, понимание психологии, знание жизни и прочее, прочее. Понятно, что у каждого в этой области свои сильные стороны, свои одаренности и способности – ведь всегда так, у каждого свои таланты: один силен в рисунке, другой в живописи, хотя оба называются словом «художник»; прибавьте теперь личный опыт, культурный и интеллектуальный багаж обладателя интуиции – и вы получите совершенно разные интуиции. По той же схеме – разные логики, разные системы анализа – разные инструменты работы, одним словом. Потому и результаты хороши были в сопоставлении и дополнении.

Андрей их ждал, казалось, у дверей – едва Кис прикоснулся к кнопке звонка, как дверь распахнулась. Круглоголовый молодой человек, темные волосы стрижены коротко, две девичьих ямочки на загорелых щеках, карие близорукие глаза; подтянутый, в хорошей физической форме – бассейн небось, бег, борьба, что-нибудь в духе дзюдо, – прикинул Кис. Одет по-сибаритски в роскошный шелковый халат шоколадного цвета – золотая марочка какая-то на груди... Кис в них не разбирался, а Реми легко опознал медузу Версаче.

Квартира была сибаритской, как ее хозяин, – портьеры из тяжелого шоколадного шелка, такого же цвета диван и два глубоких кресла; стены обиты светло-бежевым штофом, овальная стеклянная столешница низкого столика крепилась золотыми клепками к ножкам из слоновой кости, гармонировавшим с маленькими сливочными подушками на диване; бронзовые старинные подсвечники отливали тусклым золотом в мягких шоколадных сумерках, царивших, несмотря на яркий солнечный день, в этой квартире; кремовая лестница уходила, изгибаясь винтом, на второй этаж... Ясно было, что при оформлении интерьера своей квартиры Зубков не считался ни с какими другими соображениями, кроме своей личной прихоти и вкуса, и она необычайно соответствовала своему хозяину.

Сыщики, следуя гостеприимному жесту Зубкова, сели на диван и растворились в недрах шоколадного, кремового и золотого. Здесь не хотелось суетиться, здесь не хотелось думать о проблемах – здесь хотелось отдыхать, слушать хорошую музыку, говорить о поэзии, о живописи... Да, к вопросу о живописи: на стене висел натюрморт голландской школы. Кис даже не осмелился предположить, что это подлинник, только подпихнул локтем Реми и вопросительно кивнул в сторону полотна, на котором тихо сияли золотые кубки в окружении пузатых тыкв и баклажанов и мертвая цветистая птичья шея печально свешивалась с края дощатого стола. Тона картины прекрасно вписывались в интерьер. Реми приблизился.

– Чудесная работа, – сказал он по-английски.

– Согласен с вами, – откликнулся Андрей на превосходном английском, стоившем английского Киса и Реми, вместе взятых. – Это оригинал, – добавил он.

– Такая картина должна потянуть не меньше, чем вся эта квартира, – предположил Кис.

– Ну, мне она обошлась только в стоимость ремонта, – охотно откликнулся Андрей. – Что будем пить?

Он разлил виски по стаканам, принес в хрустальной чаше лед, серебряными щипчиками звонко опустил каждому по два кубика и устроился в кресле напротив.

– Чем могу быть полезен? – любезно и непринужденно поинтересовался он на все том же превосходном английском.

– Я хотел расспросить о вашем жилье... Но, с вашего позволения, сначала хотел бы узнать немного о вас, – произнес Кис, удивленно вслушиваясь в собственную речь, в которой зазвучали светские и почтительные интонации.

– Обо мне? Мне тридцать три года, разведен, имеется дочка... она живет с матерью.

Коммерсант.

– В какой области?

– В области коммерции.

– Уточните, пожалуйста.

– Фирма «Орхидея».

– И чем занимается орхидея, кроме того, что цветет и пахнет?

– Коммерцией.

– Послушайте... – Кис начал злиться. – Вы, конечно, не обязаны мне отвечать, я не милиция, но играть со мной в игры все же не стоит!

– Помилуйте, какие игры? Кто же может вам ответить на вопрос, чем занимается коммерческая фирма? Да всем! Мы продаем все! И покупаем – все! Вчера лес, сегодня лекарства, завтра произведения искусства, послезавтра – куриные ножки!

– Это куриные ножки приносят такой доход? – Кис сделал жест, опоясывающий квартирное пространство.

– А вы как думали? – удивился Андрей. – Вы, наверное, никогда не занимались торговлей? А то бы знали, что на дешевом товаре делаются дорогие деньги – конечно, если товар массового потребления... Вас смущают мои доходы? Вы, может, из налоговой инспекции? Я ведь не спросил ваши документы!

– Пожалуйста. – Кис выложил на стеклянный столик свое удостоверение. – Меня ваши доходы не колышат. Меня смущает ощущение, что вы мне говорите неправду. Нехорошее начало для разговора.

Андрей надел очки в тонкой золотой оправе и, рассмотрев удостоверение Киса, сказал примирительно:

– Послушайте, Алексей... Я директор по маркетингу коммерческой фирмы. Вот вам моя визитка, – вложил он в руки Киса переливающийся кусочек картона, на котором изящной вязью было написано «Орхидея», причем «О» представляло собой символическое изображение цветка. «Коммерческая фирма» – было добавлено внизу мелким шрифтом. – И мы действительно фирма многопрофильная, – продолжал Андрей, – вкладываем деньги в товары, в проекты, в шоу-бизнес, в «от кутюр»... А в подробностях о деятельности нашей фирмы я рассказывать не буду. По многим причинам. Вы и не поймете, и секреты у нас есть, как у любой другой фирмы... Я ведь вас не спрашиваю, зачем вам мой жилец понадобился, понимаю: у вас свои секреты! Человек убит, и кто-то хочет знать, кем убит да зачем убит, правильно? Милиция тоже хочет знать, тоже меня расспрашивали... Так что давайте поговорим о нем.

Ох и не нравился Кису этот Андрей! Вежлив, доброжелателен, казалось бы, придраться не к чему – а не нравился люто! Не хотелось ему уступать и менять тему, хотя по существу этот Андрей был прав... Не говоря уж о том, что на вопросы частного сыщика он вообще не обязан отвечать и имеет право выставить их за дверь в любую минуту... А он вполне любезно просит вернуться к теме, на которую и согласился поговорить с детективом, когда тот позвонил Андрею с просьбой о встрече... Так что, хочешь не хочешь (не хочешь, не хочешь!) – а придется ему последовать вежливому предложению Андрея и сменить предмет разговора...

Выручил Реми.

– У вас превосходный английский, – полувопросительно адресовал он комплимент хозяину.

– Учил в школе, потом в институте, но главное – это практика! У нас партнеры – да и немало клиентов – иностранцы, говорим и ведем дела на английском...

– А вы где учились? Какое у вас образование, я имею в виду? – встрял снова Кис, боясь, что услышит в ответ «высшее» и тогда уже не сдержится, психанет.

– Журналистское, – услышал он, к своему облегчению.

– Ну и как, пригодился журналистский диплом в коммерции? – все же, не удержавшись, съехидничал Кис.

Андрей посмотрел на него своими карими близорукими глазами и мягко произнес:

– Вы знаете, Алексей, ведь в торговле главное – это уметь наладить контакт с людьми. Чтобы циферки складывать – для этого у нас есть специалисты: бухгалтеры, консультанты, финансовый директор, наконец, – это его епархия. А в контактах с людьми – может, вы уже обратили внимание на то, что я до сих пор вас не выгнал и даже не повысил тона? – я силен. И журналистское образование пригодилось. Вы знаете, что на Западе эта профессия входит в блок специальностей, относящихся к паблик релейшнз? Так что не беспокойтесь за мой диплом, не зря я учился.

Кису показалось, что он сейчас просто задушит этого наглеца. Выручил опять Реми.

– Человек, снимавший у вас квартиру, работал с вами? – спокойно сменил тему француз.

– Нет, совсем нет. У него было свое рекламное агентство.

– Вы с ним давно знакомы? – снова Реми. Алексей переводил дух, утихомиривая волну гнева.

– С тех пор, как он снял мою квартиру... Два года.

– Почему Тимур снимал квартиру, а не купил себе что-нибудь площадью с квадратный километр? – снова включился Кис.

– Трудно сказать. Я ему такого вопроса не задавал... У него есть дача в Подмоскowie. Он там проводит все выходные. А в городе... Может, ему просто не нужна своя квартира, не хотел вкладывать деньги? Или из соображений безопасности? Вы же знаете, нынче народ все больше за город стремится, за высокие заборы с надежной охраной.

– Адрес дачи есть?

– Я там никогда не был, и адрес мне как-то ни к чему... А вот телефон есть, Тимур оставил для связи. Сейчас поищу. – Он направился к небольшому дубовому секретеру и вернулся с коричневой с золотым обрезаем (в тон к квартире, что ли?) записной книжкой в руках. – Вот, записывайте...

– Там кто-нибудь живет? – спросил Кис, переписывая номер.

– Да, там молодая пара. Работники. Парнишка вроде бы сторож, а девушка – домработница.

– Фамилия Тимура, кстати, какая?

– Алимбеков. Вы не знали? – с легкой поддевкой спросил Андрей.

– Проверял просто, – буркнул Кис, – может, она у него разная для разных людей! Этот Алимбеков не был женат?

– Разведен. У него семья осталась в Узбекистане.

– Узбек, значит?

– Наполовину. Московского разлива.

– Родители живы?

– Я не настолько осведомлен о его личной жизни... Мать, кажется, умерла. А отец...

– Мать русская?

– Да, отец узбек... У него теперь другая семья в Узбекистане.

– Стало быть, отец Тимура подался на родную землю, а сын, полукровка, остался в Москве?

– Тимур как-то обронил, что он у себя на родине изгой, что семья отца его осуждает за развод... К тому же у него с мусульманской религией нелады... Не помню точно отчего.

– А семье помогал, не знаете?

– Боюсь что-нибудь сказать. Ездил он туда – это точно. Привозил мне фрукты, дыни в подарок. Наверное, помогал, у них семейные традиции сильны. Они женщин презирают, но материально обеспечивают – иначе не мужчина, не джигит. Да и дети там у него.

– О прошлом его что-нибудь знаете? Чем занимался до рекламного агентства? С какого поля ягода?

– Не в курсе. Да и что вам это даст? Сейчас в делах все пришлые – кто из армии, кто из партийных чинов, кто из профессуры, кто из рабочих, творческой интеллигенции и даже крестьян, – все смешалось. Кого из нас учили делать деньги? Кого из нас учили азам бизнеса, маркетинга, рекламы, банковского дела? Никого! Мы все – талантливые самоучки.

– Больше всего мне понравилось в вашем рассуждении слово «талантливые».

– Неталантливые в хрущобах живут.

– А может, просто честные?

Андрей удивленно посмотрел на Киса и перевел взгляд на Реми. На лице Реми не выразилось ровным счетом ничего – ситуации, в которых Реми позволял своему лицу выражать эмоции, были крайне редки в его жизни; но пребывал он в полнейшем недоумении – он бы лично никогда не стал подначивать, как Кис, своего собеседника, согласившегося дать ему нужную информацию, и тем более почти прямо обвинять его в чем бы то ни было. Да чего там, он бы подобный тон не позволил себе даже с другом! У русских странная манера вести беседы...

– Честные? – нисколько не обидевшись, переспросил Андрей и покачал головой, словно Кис сморозил глупость. – Вот если бы, господин детектив, вы мне показали человека, причем неимущего, которому предложили, скажем, миллион долларов, уточнив, что деньги эти краденые, и этот человек от миллиона отказался, я бы назвал его честным. Такие люди, возможно, существуют, но их, должно быть, крайне мало на этом свете. А остальные... Вы знаете, Алексей, пространство вокруг нас просто наполнено деньгами. Миллионами, миллиардами дензнаков. Они летают вокруг вас. Они перетекают ежедневно по жилам банковских счетов, они переключиваются из кармана в карман, из рук в руки... Суметь сделать так, чтобы этот поток омывал и ваш карман, ваш счет, ваши руки, – это и есть талант. И большая, трудная работа. А не суметь завернуть этот поток в свою сторону – отсутствие таланта. И лень. Вот и все. Зачем называть это честностью?

– Ну да, а то, что в этом потоке, омывающем карманы таких, как вы, крутятся...

Алексей хотел сказать: «невыплаченные пенсии и зарплаты людей, которым жрать нечего!» – но не договорил. То ли почуял невысказанное удивление Реми, то ли сам ощутил их бессмысленность и неуместность, но продолжать не стал. Какого черта он полез к этому Андрею с нравочениями? В самом деле, как мальчишка...

– Впрочем, не будем вдаваться в дебаты, – примирительно сказал он, – лучше расскажите, что можете, о вашем квартирном съезде.

– Я, право, не знаю...

– У него были, по-вашему, враги?

– Как у всякого обычного человека – наверняка, и как у дельца – тем более. Но он со мной не откровенничал, друзьями мы не были – пару-тройку раз выпили с ним, и вся дружба.

– Что-нибудь о его рекламном агентстве знаете? Чем они занимаются?

– Рекламой! – удивился вопросу Андрей.

Кис подавил подступающее раздражение:

– Я догадался, хоть это и было трудно, что рекламное агентство делает рекламу. Я хотел бы узнать – для кого, как, какую?

– Слушайте, я сейчас попробую найти его визитку, и то, что в ней написано, равно тому, что я знаю. Подождите, – бросил он, выходя из гостиной.

Похоже, Кис все-таки достал этого Андрея и выдержка, которой тот хвастался, начала изменять ему. Кис злорадно хмыкнул.

Андрей вернулся с кусочком картона и протянул его Алексею.

– Я туда съезжу, – сообщил Кис, разглядывая визитку.

– Вот-вот, это будет лучше всего, – поддакнул Андрей.

«Сейчас придушу», – подумал Кис.

Андрей встал, давая понять, что вечер вопросов и ответов считает закрытым.

– Вы с Александрой давно знакомы? – проигнорировал жест хозяина Кис.

Андрей, помявшись, неохотно сел обратно и, сделав заметное усилие, снова придал своему лицу любезное выражение.

– Со студенческих лет, по журфаку.

– Вы женаты?

– Нет. Это имеет значение?

– Какие у вас отношения с Александрой? – не ответил на вопрос Андрея Кис.

Андрей посмотрел на Киса с нескрываемым раздражением. Достал его детектив, достал! Кис нежно улыбнулся ему в ответ и ласково повторил свой вопрос:

– Так какие у вас отношения с Александрой?

Поколебавшись мгновение – видимо, решал, нахамить Кису или ответить спокойно, – Андрей решил в пользу последнего и произнес сухо:

– Нежно-дружеские. Она талантлива (угу, – мысленно согласился Кис), умна (угу!), независима (угу!), красива, наконец (угу, угу, угу!), редкая женщина.

«Молодец, садись, «пять», – подумал Кис. – С минусом: про «стерву» забыл».

– Вы тут так убедительно рассказали о роли журналистского образования в паблик релейшнз, что навели меня на вопрос: Александра сотрудничает с вами? Она ведь тоже журналистка!

– Из этого не следует, что все журналисты непременно должны укреплять связи с общественностью различных предприятий!

– Как понимать ваш ответ?

– Александра со мной не сотрудничала.

– Допустим... Кто жил раньше в той квартире?

– Я. С родителями.

– Они живы?

– Да, к счастью. Живут за городом.

– «За высокими заборами с надежной охраной»?

– Что-то в этом роде.

– В вашей квартире есть третья комната...

– Я ее оставил за собой, – подхватил Андрей. – Я держу там свои вещи, и она всегда заперта.

– У Тимура был ключ от нее?

– Нет.

– А от квартиры у вас остались ключи?

– Нет. Я отдал их Тимуру и никогда не приходил туда без его ведома.

– Даже если вам нужно было что-то взять в квартире?

– Мне нечего там брать. Все, что нужно, я уже давно забрал. А в закрытой комнате хранится никому не нужная мебель и хлам, который я почему-то пожалел выбросить.

– Александра бывала у вас на той квартире?

– Конечно, в студенческие годы.

– Она была знакома с вашим жильцом, Тимуром этим?

– Сомневаюсь. Лично я их не знакомил.

– Вы ей сказали, что жилец уехал в командировку?

– Было дело. Она мне позвонила...

– Когда? – быстро спросил Кис, словно пытаясь уловить несовпадения в словах Андрея и девушек.

– Во вторник.

– Она вам объяснила, почему интересуется вашим жильцом?

– Ксюша, ее младшая сестра, хочет снять квартиру... И Саша спрашивала у меня, не освободилась ли моя. Ну, я объяснил.

– Вы сказали ей, что ваш жилец уехал в командировку?

– Да, она спрашивала, когда он думает съезжать да нельзя ли осмотреть квартиру... Ну, я и сказал, что вернется из командировки – спрошу.

– Что она вам на это ответила?

– Почему вас интересует Саша? Вы ведь пришли спрашивать о моем жильце?

В намерения Киса вовсе не входило посвящать этого шоколадного Андрея в историю сестер, и потому он только переспросил:

– Что она вам ответила?

Андрей пожал плечами:

– Спросила, когда вернется. Я ответил – в эту пятницу.

– Когда вы видели последний раз вашего жильца?

– В четверг на прошлой неделе. В пятницу он должен был уехать в Узбекистан.

– За границу Тимур летал?

– Бывало.

– Не знаете, летал ли он в прошлом году в Швейцарию?

– Не могу сказать.

– Ладно, – сказал Кис, вставая. – Спасибо.

Андрей с большим облегчением проводил их до дверей.

На свежем воздухе, пронизанном октябрьским неярким солнцем, Кис вздохнул полной грудью – ему казалось, что еще чуть-чуть, и он бы задохнулся в шоколадных сумерках. Переговорив с Ваней по телефону и велев ему подтягиваться к дому на Бережковской набережной, Кис завел машину и произнес, глядя на Реми:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.